

От редакции: Из богатого творческого наследия Владимира Николаевича Шубкина (1923 - 2010) мы выбрали его новомирскую статью «Пределы» (1978, № 2, стр.187 - 217). Важно напомнить что тогдашний «Новый мир» во главе с Твардовским был обсуждаем в кругах интеллигенции наряду с самиздатом. Твардовский исхитрился (спустя длительное время после выдержки в издательстве и уговоров автора не забирать рукопись «в стол») опубликовать «Один день Ивана Денисовича» - взрывную повесть Солженицына, будущего лауреата Нобелевской премии, каковую ему принять не позволили. Быть автором журнала Твардовского приличные люди почитали за большую честь!

Владимир Николаевич публиковался и в «Литературной газете», непременно входящей в комплект подписки новомирских читателей. Он был принят в Союз писателей как «свой» в сообществе литераторов. И в любимовском театре на Таганке он входил в худсовет, бился за допуск постановки «Гамлета» с Высоцким в роли шекспировского героя, произносившего свою реплику о непорядках в Датском королевстве, будучи в майке и джинсах.

В публикуемой статье Шубкин утверждал, что социология имеет свои «пределы» проникновения в человеческую индивидуальность, иронизирует над одним из коллег по Академгородку под Новосибирском, который взялся создать модель личности, а вышла модель вагранки, как съязвил Шубкин. Только союз с литературой позволит социологу понять живого человека. Ядов в «Литературной газете» обрушился с критикой на своего друга, апеллируя в основном к союзу социологов и психологов. А, ведь, в сущности Шубкин призывал социологов использовать методологию, нынче общепринятую под названием «качественных методов» задолго до бума качественных методов на Западе и у нас.

ПРЕДЕЛЫ

ВЛАДИМИР ШУБКИН,
доктор философских наук

Нет, что ни говорите — без одержимости ни одно крупное дело не делалось. Не чуждо ничто человеческое и социологам. Когда после XX съезда партии стали возрождаться у нас социологические исследования, многим из пионеров казалось, что вышли они на бескрайнее поле, что возможности новой

области знания беспредельны, а сама она нравственна и гуманна, ибо своим существованием демонстрирует усиление внимания к личности, к человеку, к его ценностям, потребностям, интересам, мотивам.

Такова была увлеченность этим новым делом. В него вовлекались партийные и комсомольские руководители, хозяйственники, профсоюзные работники, газетчики. А за ними и немолодые, умудрённые опытом литераторы стали частыми гостями на социологических конференциях и семинарах, присматриваясь, оценивая, вспоминая грехи «вульгарного социологизма» и вырабатывая свой новый подход.

Десять лет назад «Новый мир» (1967, № 12) опубликовал работу писателя В.Я. Канторовича «Социология и литература». Эта статья вобрала в себя многое из того нового, что было сделано в конкретных социологических исследованиях, и решительно поставила вопрос о содружестве социологов и писателей. Она сразу же вызвала многочисленные отклики и сыграла важную роль в интерпретации возможностей социологии, в становлении новой области знания, в развитии контактов между литераторами и учеными.

Per aspera ad astra

Через тернии к звездам – общий закон развития науки, в том числе и такой сугубо земной, как социология. И хотя звезд с неба она не хватает, но потребность в социальном знании сегодня еще насущней, чем вчера. Подобно тому, как развитие науки и техники, в первую очередь автоматизации, реактивной авиации, космонавтики, на каком-то этапе стало лимитироваться неизученностью физических и психических возможностей человека (его способности к перегрузкам и невесомости, возможности охватить и переработать возрастающий поток информации), так и дальнейшее совершенствование управления общественными процессами в определенной степени стало лимитироваться недостаточной изученностью ряда аспектов жизни общества, слабым развитием конкретных социологических исследований.

Для марксиста очевидно, что определяющие тенденции исторического процесса лежат в сфере экономики. Однако основоположники научного коммунизма не раз подчеркивали, что ход истории во многом зависит от политических, социальных, идеологических и других факторов. «Маркс и я, – писал Ф. Энгельс, – отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем

это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии»¹.

Конкретный социальный анализ общественных явлений и процессов характеризуется, прежде всего, комплексностью. Круг явлений, попадающих в сферу социологических исследований, по необходимости значительно шире, чем в отдельной специальной области, скажем в экономике. Социологические исследования не ограничиваются анализом экономических отношений, форм собственности и зависимых от них форм распределения материальных благ. Они охватывают всю совокупность общественных отношений, определяющих поведение социальных групп, не только производственные, но и другие отношения; не только классы, но и группы; не только объективные, но и субъективные явления и процессы.

Тот, кто внимательно присматривается к деятельности человека, не может не заметить, что она в отличие от действий животного целесообразна. Иначе говоря, она предваряется идеально – как стремление, желание и т. п. «В конце процесса труда, – писал К. Маркс, – получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»². Следовательно, в деятельности человека в качестве ближайших, непосредственных причин выступают идеальные факторы, которые опосредуют материальные. Анализ наукой и искусством этого идеального мира, этих идеальных факторов – необходимая предпосылка понимания закономерностей поведения человека. Социология, социальная психология не могут не привлечь к себе внимание, прежде всего потому, что они предпринимают отважную попытку описать хотя бы некоторые из этих идеальных факторов – стремления, желания, интересы, потребности.

С другой стороны, деятельность человека, определяется непосредственно не просто идеальными факторами, но в значительной мере теми из них, которые принадлежат будущему. Идеальные модели будущего в огромной мере влияют на формирование сегодняшних целей, постоянно оказывают воздействие на поведение человеческих групп сегодня. Реалистичны они или иллюзорны, но они, эти осознаваемые или плохо осознаваемые образы будущего, лежат в основе наших

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. М. По; издат. 1955, т. 11, стр. 469.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23. стр. 189.

сегодняшних поступков и решений. Ведь «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»³. Поймать эти отблески будущего, оценить их с позиции интересов тех или иных групп, проверить их адекватность реальному поведению – значит приблизиться к пониманию факторов, управляющих развитием общественных организмов. И этот подход, декларированный социологией; в идеях социального планирования и управления, также не может не привлекать к себе энтузиастов.

Комплексный характер социальных исследований предполагает широкое использование теоретических положений и методологических принципов всех общественных наук, а также требует тесного сотрудничества с представителями этих наук. Так, развиваясь на базе исторического материализма, социологические исследования способствуют его обогащению.

Правильно поставленные социологические исследования – враг волюнтаризма, произвола, ибо любое, самое авторитетное мнение рассматривается при этом лишь как гипотеза, пока оно не проверено опытом, практикой. Развитие социологических исследований тесно связано с развитием демократии, они немыслимы без нее. В свою очередь, они сами способствуют развитию демократических институтов и методов управления социалистическим обществом.

Репрезентативные социологические исследования выбивают почву из-под ног любителей игры в примеры, в фактики, так как строятся на анализе всей совокупности относящихся к данному вопросу фактов или на математически обоснованной выборке. Они дают информацию о процессах и противоречиях, возникающих в ходе развития общества, позволяют всесторонне оценивать последствия принимаемых решений. Тем самым социальные исследования помогают принимать оптимальные решения, проводить политику, отражающую действительные положения вещей.

Социологические исследования являются важнейшим условием дальнейшего творческого развития марксизма-ленинизма. Пренебрежительное отношение к ним трудно расценить иначе как попытку со стороны некоторых обществоведов спрятаться за абстрактными формулами от сложных проблем и трудностей, возникающих в ходе строительства нового общества, ограничиться дедуцированием одних общих положений из других, еще более общих. Игнорирование конкретного анализа общественных явлений

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 194.

означает отход от широкого вторжения науки в практику коммунистического строительства, от разработки научных основ руководства развитием общества, к чему призывают представителей общественных наук Программа партии, решения XXV съезда КПСС.

В наши дни существенно изменилась не только сфера интересов общественных наук, но и их роль: на основе глубокого анализа давать опережающие практику рекомендации в форме, которая позволяет их использовать для нужд планирования и управления. В лаборатории экономико-математических исследований Новосибирского университета была, например, выполнена работа, суть которой сводилась к определению того, сколько и каких квартир (а стало быть, и домов) предстоит построить в Новосибирске (с учётом амортизации, сноса жилья, роста населения, изменения структуры семей), чтобы уже в ближайшие годы наиболее рационально использовать жилой фонд и наилучшим образом удовлетворить потребности населения в жилье. Для решения этой задачи нужно знать, в частности, как будет меняться количественный состав и структура семей в данном городе, скажем, на протяжении пяти лет. Поскольку городское население увеличивается в значительной степени за счет пополнения из деревни, важно знать, в течение какого срока показатели рождаемости, смертности, количественного состава семей, пришедших из деревни, выравниваются с соответствующими показателями городских жителей. Без социальных обследований точного ответа на эти вопросы дать нельзя. А ответ необходим уже теперь: ведь дома строятся не на год, а на десятилетия. Поэтому отсутствие такой работы сегодня потребует завтра крупных затрат на снос, перестройку и реконструкцию домов, чтобы «подогнать» структуру и планировку квартир к структуре семей. Наоборот, учитывая масштабы нашего строительства, можно представить себе, какую экономию в конечном итоге может дать серьезное исследование социальных проблем советской семьи даже в одном этом аспекте.

Целесообразность и масштабы производства того или иного товара определяются в зависимости от степени нужности его будущим покупателям. Поэтому необходимо с достаточной степенью вероятности знать, каковы потребности различных социальных групп в разных районах страны; какова степень удовлетворения их потребностей сегодня, как, под влиянием каких факторов и в каком направлении они меняются; какова величина спроса на различные товары; каковы тенденции –

какие товары будут покупать завтра представители разных социальных групп в разных районах.

Правда, здесь приходится заняться всесторонним исследованием не только объективных (экономических), но и субъективных факторов – вкусов, моды, предпочтений, настроений. Но это не должно нас смущать. Это, так сказать, «объективно необходимый субъективизм». Перспективный план производства, основанный на научном прогнозе потребностей населения, во много раз точнее и эффективнее, чем план, составленный без их учета. Социалистическое производство в этом аспекте требует систематического изучения. Если капиталисты США, имея такой автоматический показатель соотношения спроса и предложения, как цена (которая колеблется в зависимости от спроса и предложения), тем не менее, содержат несколько тысяч фирм и специальных агентств для изучения рынка, то в плановом социалистическом хозяйстве тем более необходим широкий и систематический анализ движения покупательского спроса. Без этого неизбежны разрыв между производством и потреблением и работа на склад. Напротив, создание такой системы, бесспорно, позволит серьезно улучшить планирование и принесет значительную экономию.

В связи с этими сугубо практическими делами встают крупные теоретические задачи по дальнейшей разработке проблем социальной структуры нашего общества, изучению групп, различия между которыми обусловлены уже не формами собственности на средства производства, а такими факторами, как профессия, уровень квалификации, образование, размер дохода. Без научной разработки вопросов социальной структуры, выделения дифференцированных групп людей, объединенных по принципу сходства занятий, квалификации, потребностей, мотивов трудовой активности, нельзя успешно решать вопросы планирования и управления, конкретные экономические проблемы коммунистического строительства.

Человек и его работа

Социалистическое общество решало и решает задачи, связанные с огромными социальными преобразованиями, которые касаются всех сторон жизни общества. Для этого нужно постоянно предвидеть социальные изменения, управлять ими. Другими словами, необходимо осуществлять социальное планирование. «Мы теперь получили довольно редкий в истории случай, – писал в 1923 году В. И. Ленин, – устанавливать сроки,

необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки»⁴. В нашем обществе социальное планирование не утопия, а реальность. Основой, позволяющей социалистическому обществу «устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений», является планирование народного хозяйства, которое, в свою очередь, становится возможным благодаря обобществлению средств производства.

Один из важнейших объектов планирования составляют трудовые ресурсы. К ним нельзя подходить с узкими мерками и критериями. Они не только главная производительная, но и главная потребительная сила. Они не просто объект экономических расчетов, а главный персонаж исторической драмы. Поэтому управление трудовыми ресурсами предполагает комплексный аналитический подход, вторжение в область субъективного, изучение мотивов поведения различных социальных групп в нашем обществе.

Мы недостаточно занимаемся социальными аспектами трудоустройства. Здесь все еще сказывается своеобразный предрассудок, согласно которому обобществление средств производства само по себе автоматически обеспечивает полную занятость населения. В действительности же общественная собственность на средства производства создает предпосылки, возможности решения этих проблем. Требуется повседневная и кропотливая работа, чтобы реализовать эти преимущества социалистического способа производства.

Проблема трудоустройства имеет в наших условиях территориальный, отраслевой и профессиональный аспекты. Сейчас трудовые ресурсы размещены по территории страны неравномерно. При нехватке рабочей силы в одних районах, областях, городах наблюдается избыток ее в других. Следовательно, чтобы эффективно управлять трудовыми ресурсами, важно своевременно организовывать плановое перераспределение рабочей силы, систематически информировать население о потребностях в кадрах, а хозяйственные, проектные, планово-экономические органы об имеющихся трудовых ресурсах.

Большое значение имеют социальные исследования для управления движением населения. Известно, например, что особое внимание уделяется сейчас развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Сюда направляются огромные

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 385.

капиталовложения. Их освоение предполагает не только естественный, но и механический прирост населения. Однако проведенные исследования, показали, например, что с 1939 по 1959 год прироста населения в Сибири в результате миграции не было. В 1959–1960 годах в Сибири в целом, и особенно в Западной Сибири, наблюдался существенный отток населения. Эти исследования выявили и причины отрицательной миграции. Естественно, проведение такой работы позволяет конкретно подойти к управлению сложными процессами механического движения населения и улучшить размещение рабочей силы на территории нашей страны.

Управление трудовыми ресурсами – дело тонкое и кропотливое. Возьмем текучесть кадров. По подсчетам экономистов, потери от нее составляли не так давно в промышленности и строительстве почти 3 миллиарда рублей в год. Успешно бороться за ее сокращение можно, лишь изучая причины. Опытный руководитель организует тщательное обследование и обнаружит самые разнообразные и подчас неожиданные причины: в одном случае они связаны с разноразмерной оплатой труда, в другом – с недостатками в планировании жилищного строительства и распределением жилой площади, в третьем – с необеспеченностью яслями, детскими садами.

Объект социального планирования составляют общественные отношения. Цель его – решение конкретных социальных задач, ликвидация всех препятствий, которые еще мешают гармоническому развитию человека, социализации личности, органическому сочетанию интересов индивида с интересами коллектива, общества в целом. Поэтому социальное планирование, естественно, не ограничивается лишь сферой экономики.

На основе народнохозяйственных планов необходимо определять на перспективу оптимальные пути решения социальных проблем, связанных с постепенным уменьшением дифференциации доходов разных социальных групп посредством маневрирования заработной платой, нормами, общественными фондами и т. п. Вместе с тем социальное планирование призвано заниматься и такими, например, вопросами, как выявление, локализация и изживание очагов и причин алкоголизма, преступности, проблемами социальной гигиены, особенно влиянием на человека научно-технического прогресса и урбанизации.

Пока в этом отношении у нас делается мало. Возьмем одну из серьезных проблем – проблему молодежи, вступающей в сознательную трудовую жизнь. Каковы личные планы молодых людей в этот период? Как они реализуются? Что знают юноши и девушки о новых профессиях? Какова популярность профессий, и какие занятия избирают различные группы молодежи? К каким территориальным, профессиональным, социальным передвижкам ведет выбор профессии? В какой степени выбор профессии обусловлен традициями семьи, успеваемостью, местожительством и другими факторами? Каковы особенности трудоустройства разных групп молодежи? Вопросы эти имеют не только познавательное значение. Обеспечить соответствия между личными стремлениями разных групп молодежи и интересами общества – важная задача. Успешное ее решение всегда дает как социальный, так и экономический эффект. С одной стороны, уменьшаются возможности ошибок, неудовлетворенности, разочарований, связанных с первыми самостоятельными жизненными шагами юношей и девушек. Это создает в нашей стране объективные предпосылки для сокращения разного рода антиобщественных явлений (преступность, алкоголизм и т. п.). С другой стороны, уменьшаются текучесть, миграция, обеспечивается более быстрое и эффективное включение молодежи в трудовой процесс, то есть решаются, по существу, экономические задачи: растет производительность труда, достигаются наилучшие результаты с наименьшими затратами.

Правда, экономический эффект здесь не всегда бросается в глаза. Вот почему у нас нередко допускается крайняя расточительность во имя ложно понимаемой экономии, мы отказываемся изучать важные вопросы, считая, что они не имеют отношения «и к рублям, ни к пудам, и мы несем потери, которые измеряются миллионами пудов и миллиардами рублей. Назовем, например, те невидимые потери, а стало быть, и невидимые резервы, которые связаны с выбором первой профессии. Это потери школы, где многих ребят обучают профессиям, которыми они никогда не будут заниматься.

Это потери при переквалификации юношей и девушек – опять материальная база, станки, сырье, заработная плата педагогам, стипендии. Так, по нашим данным, лишь 11 процентов выпускников средних школ Новосибирской области работало по специальностям производственного обучения.

Это потери от текучести рабочей силы. Среди тех, кто пишет заявление об уходе с завода, есть летуны-рвачи, но есть

много людей, которые выбрали профессию необдуманно. Половина ежегодных потерь из-за текучести кадров приходится на долю молодых рабочих. Не разобравшись в сути процессов, нельзя дать обоснованных рекомендаций, как реализовать подобные невидимые резервы.

В противоположность капиталистическим странам у нас есть возможность успешно решать такие проблемы. Но и здесь нельзя рассчитывать на самотек. Эти процессы необходимо заранее предвидеть и наметать меры, которые позволили бы изыскать дополнительное число рабочих мест, предусмотреть расширение приема в училища, техникумы, вузы и тем самым с минимальными издержками своевременно преодолевать возникающие трудности.

Социология воспитания

Трудно переоценить роль социальных исследований в повышении уровня идеологической работы. Ведь в этой работе могут быть громкие, но холостые выстрелы. Социальные исследования, в частности изучение общественного мнения (о чем говорилось на XXV съезде КПСС), дают возможности полнее выявлять идеологическое воздействие печати, радио, телевидения, художественной литературы, произведений изобразительного искусства, кино.

Взять, например, оценку произведений самого массового из искусств – кино. Ленинский лозунг «искусство принадлежит народу» означает и то, что произведения искусства создаются для народа и главный судья им – народ. Но народ не безликая масса с одинаковым вкусом. Поэтому нелепо, когда некоторые критики берут на себя монопольное право выступать от имени народа. «Народ принял», «народ не принял» – подобные голословные декларации ничего не значат до тех пор, пока действительно не выявлено мнение масс.

В связи с этим было бы очень полезно, если бы литературоведы, искусствоведы проводили систематические представительные обследования среди различных социальных групп населения и выявляли их отношение к произведениям искусств, кино, литературы. Здесь вполне может оказаться, что нельзя противопоставлять одно произведение другому, что второе нравится одной группе населения, а первое популярно у другой, зато третье не нравится никому. Не исключено, что у представителей некоторых социальных групп обнаружались бы явно отсталые художественные вкусы. Но тогда, по крайней мере, стало бы яснее, где, среди кого и в каком направлении

необходимо вести работу, развивать эстетические вкусы, а где нужно поднимать художника до зрителя и писателя до читателя. Такие обследования были бы чрезвычайно полезны для читателей, писателей, работников кино, идеологических комиссий и позволили бы гораздо эффективнее вести работу по воспитанию нового человека.

Социологические исследования важны и для каждодневной ориентации миллионов людей.

Людям приходится сталкиваться с общественными проблемами, по которым нужно принимать ответственные решения, но которые далеко выходят за пределы той области, о которой они имеют четкие представления. Им нужно решать проблемы быта, труда, выбора профессии. При этом молодые люди, да и их родители имеют более или менее правильное представление о нескольких специальностях, а судить им приходится о десятках и сотнях.

Рассказывают притчу о слепцах, которых просили описать слона. Тот, кто потрогал хобот, сказал, что слон длинный и теплый. Ощупавший клык заявил, что слон твердый и острый. А тот, кто наткнулся на ногу слона, утверждал, что слон высокий и круглый, как дерево. Никто из них не лгал. Но нетрудно видеть, как далека картина в целом от описаний каждого из них. Так и представления о явлениях общественной жизни часто ограничены. К тому же миллионы людей, занятых каждодневными делами – работой, учебой, домашним хозяйством, общественной деятельностью, – «не имеют ни средств, ни времени проводить по каждому вопросу самостоятельные «репрезентативные социологические исследования», «референдумы» и «переписи».

На помощь человеку приходит его среда, которая с малых лет и до старости вооружает его стереотипами – упрощенными формулами и образами процессов и явлений. Стереотип – это своеобразное свойство человеческого мозга, который не в состоянии переработать всю обрушившуюся на него информацию или, напротив, не имеет необходимой информации, но вынужден постоянно выдавать «приближенные» решения. С этой точки зрения процесс стереотипизации – необходимый способ человеческого мышления, который позволяет обобщенно включать прошлый социальный опыт в сегодняшние решения. Вряд ли была бы у человека хоть малая надежда разобраться в себе и во внешнем мире, сделать верный выбор, если бы среда с малых лет не вооружала его образами внешнего мира, понятиями добра и зла,

полезного и вредного. Определенная система ценностей жизни, скрытая от постороннего взгляда, всегда лежит в основе нашего выбора, а сама, в свою очередь, находит опору в этических, нравственных ориентациях.

Однако было бы ошибочно полагать, что все само собой образуется, что люди достаточно вооружены благодаря передаче им определенного стандартизированного опыта. Стереотип порою и дезориентирует, ибо жизнь меняется, а мы в своих сегодняшних решениях и действиях нередко основываемся на вчерашнем стереотипе.

В мире нет ничего сложнее и загадочнее социального явления. На нем всегда отблеск тайны. И чем глубже проникаешь в социальный процесс, тем больше убеждаешься, что он результат сложнейшего взаимодействия не только технико-экономических, но и исторических, космических, демографических, генетических, психических, духовных сил и явлений.

Социальная жизнь имеет свои подводные течения, свои землетрясения, свои цунами. Познание их требует не только использования статистики, математики, кибернетики, но и известной тонкости нервной организации, чувства меры, остроты политического мышления, реализма и интуиции – всего того, что в совокупности и представляет собою талант исследователя-обществоведа.

Конечно, популяризация всегда нужна. Она жизненно необходима сейчас, в эпоху научно-технической революции. Но именно поэтому важно напомнить, что это очень тонкое дело, почти искусство. От популяризации до вульгаризации – один шаг. Потерять чувство меры, перешагнуть точку оптимума, перегиба здесь крайне просто. Поэтому популяризация и вульгаризация часто союзники. В результате схемы общественного развития, которые оседают в массовом сознании, обычно бедны и прямолинейны. А это к добру не ведет. «Познание человека, – писал В. И. Ленин, – не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали»⁵.

Научный подход состоит именно в том, чтобы обеспечить систематическую проверку стереотипов, максимально возможно приблизиться непосредственно к явлению и тем самым минимизировать просчеты, в основе которых лежит устаревшая, односторонняя или частичная информация. «Степень научности» становится тем выше, чем точнее мы описываем в наших

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 322.

понятиях, концепциях, моделях, теориях то или иное явление, тот или иной процесс, чем решительнее отходим от односторонности и прямолинейности.

Социология в этом случае выполняет одну из самых значительных своих функций. Она показывает связь личной жизни человека с историческим процессом, осознание которой (связи) является важнейшим условием социальной активности. Давая объективную картину общества, социологические исследования демонстрируют как социологам, так и несоциологам, что они представляют собою, каковы реальные основы как макро, так и микрорешений. Они показывают стереотипы, которыми представители различных социальных групп руководствуются в их повседневной жизни. Здесь функция социологии – самонаблюдение общества для самосовершенствования его – способствует не только разрушению предрассудков, но и росту самосознания и нравственности всего общества. Впрочем, это отнюдь не автоматический процесс.

Социология и нравственность

Трудно представить себе развитие современной области знания, да еще такой, как социология, без борьбы честолюбий, без ярмарки тщеславия. И не может это не подталкивать отдельных сжигаемых страстью к продвижению научных работников к экспериментам, рискованным не столько для них, сколько для реципиентов – людей, которые должны давать им информацию.

В редакцию «Литературной газеты» поступило письмо:
«Уважаемые товарищи!

Наш институт готовится к переходу на так называемую карповскую систему, при которой оценка труда научных сотрудников определяется многими показателями, влияющими на эффективность научной работы. Помочь определить эти показатели взялись социологи – вот уже полтора года как в институте создана и работает социологическая лаборатория. Поначалу к ее деятельности относились с уважением и доверием, тем более что в преамбуле к первым анкетам цель работы определялась так: улучшение психологического климата в коллективе института, создание обстановки, которая способствовала бы увеличению эффективности научной работы. Поэтому такой, например, вопрос: «С кем бы Вы не хотели работать в одной лаборатории?» – хотя и вызвал некоторую настороженность, но все же был воспринят как допустимый:

может быть, знание ответов на него необходимо для строго научного подхода к улучшению психологического климата. Через некоторое время выяснилось, что по ответам на упомянутый вопрос выставляется балл, который определяет «негативную экспрессивность» сотрудников. Потом оказалось, что сотрудники с высоким баллом «негативной экспрессивности» могут быть понижены в должности.

После этого отношение к работе социологов стало другим. Появились сомнения в том, правильные ли выводы делают они, подводя итоги анкетирования. Сомнения относились не только к методике оценки «негативной экспрессивности», но и других показателей. Многие стали отказываться от участия в опросах. Однако был издан приказ по институту, в котором сотрудникам фактически вменялось в обязанность отвечать на вопросы социологических анкет. Люди стали, придумывать ответы, боясь подвести товарища. В институте создалась нервная обстановка – об улучшении психологического климата забыли и думать. На вопросы и критические замечания по поводу работы социологов начальник лаборатории отвечает, что сотрудники института некомпетентны судить об этом. Это, конечно, правильно, только здесь речь идет не о сугубо научных социологических проблемах, а о реальных результатах практической деятельности данной лаборатории. Нам кажется, что эти результаты могут способствовать лишь снижению эффективности труда научных сотрудников и в корне противоречат задачам, которые стоят перед институтом».

«Негативная экспрессивность»

Письмо не было анонимным. Под ним стояли фамилии авторов, в институт был направлен корреспондент. И вот передо мной груда материалов — статьи, анкеты, приказы, интервью с научными сотрудниками.

История, казалось бы, вполне обычная. В НИИ появилась новая, социологическая лаборатория. Ее руководитель, назовем его Петров, сразу же начал эксперимент.

Было решено применить в НИИ систему оплаты, которая проходит апробацию в Физико-химическом институте имени Карпова: в зависимости от эффективности работы научных сотрудников она дает возможность повышать зарплату до 50 процентов и понижать до 30. «Существенным условием этой системы, — поясняет в одной из своих статей директор НИИ (назовем его Константинов), — является то, что все изменения в оплате научных сотрудников происходят в пределах

лимитированного фонда зарплаты. Однако при лимитированном фонде повышение оплаты части сотрудников неизбежно влечет за собой снижение ее у другой даже в том случае, если эффективность труда этой последней будет значительно повышена. Мы считаем, что это противоречие может быть снято только в том случае, если при переходе на карповскую систему с лимитированным фондом зарплаты параллельно будет происходить сокращение численности работающих за счет интенсификации научно-исследовательского процесса». Так родилась идея использовать взаимные оценки сотрудников, чтобы определять их квалификацию «для сокращения численности работающих».

О существовании этой идеи сотрудники института вначале не знали и потому достаточно спокойно отвечали на вопросы первой анкеты: «Является ли руководитель Вашей лаборатории, сектора, группы, темы (подчеркнуть) профессионально образованным человеком в той мере, в какой это необходимо для успешного руководства Вашей научно-исследовательской работой?», «Достаточно ли высок общий уровень развития Вашего руководителя?», «Обладает ли Ваш руководитель аналитическим складом интеллекта?», «Достаточно ли высок уровень эстетического развития Вашего руководителя?». Потом появилась вторая анкета и новые вопросы типа: «С кем из работников Вашей лаборатории Вы не хотели бы работать в одном коллективе?» К ней тоже отнеслись с доверием.

Каково же было всеобщее удивление, когда на аттестационной комиссии Петров начал выступать по поводу каждого аттестуемого, держа в руках так называемый лист оценки с цифрами: «Уровень авторитетности – 0,13», «Профессиональная образованность – 0,09», «Оригинальность и самостоятельность в решении научных проблем – 0,03», «Справедливость в решении спорных вопросов – 0,12», «Общая эрудиция – 0,01», «Личное обаяние – 0,02», «Негативная экспрессивность – 0,05» и т. п.

Тогда и стало известно, что руководитель группы М. получила семь голосов против по пункту «С кем бы Вы не хотели работать». Решением аттестационной комиссии М. была переведена из руководителей группы в рядовые научные сотрудники и, естественно, ей был понижен оклад. А вот мнение ее непосредственного начальника: «Я думаю, надо в первую очередь судить по делам. М. работает в институте около двадцати лет. У нее большое количество внедренных разработок – 16. Она коммунист и член партийного бюро научной части.

Может быть, у нее в характере есть такие черты, которые сотрудникам, поверившим, что искренний ответ будет способствовать «повышению психологической сплоченности коллектива», хотелось бы изменить, но разве это основание для административных выводов?»

Отношение в НИИ к социологической лаборатории, возглавляемой Петровым, стало резко меняться. «Люди очень нервничают, и у них есть для этого основания», – говорила сотрудница Е. Возникшая в результате накаленная обстановка не смутила Константинова. Готовясь к работе квалификационной комиссии, связанной с переводом на новую оплату труда, директор института издал приказ, в котором говорится:

«В целях успешного проведения работы квалификационных комиссий по переводу на новую систему оплаты труда научных сотрудников, разработанную в НИИ, приказываю:

1) начальникам всех лабораторий НИИ обеспечить условия для проведения в обязательном порядке анкетирования по анкетам № 2, № 3, № 4;

2) анкетирование по указанным анкетам проводить за подписью опрашиваемых;

3) ответственность за сохранение тайны индивидуального анкетирования возложить на начальника лаборатории...».

Поощряемый дирекцией, продолжал действовать и Петров. У него появилась даже новая концепция, которую он формулировал следующим образом: «У всех сложилось впечатление, что роль социологии примирять, сглаживать, улучшать психологический климат. Такой подход узок и даже буржуазен. У нас общество едино, у нас нет противоречия между основной массой работников и администраторами, так что нечего и сглаживать». «Меня называют Великим Инквизитором, – со вздохом признается Петров – Думаете, мне хочется им быть? Но проблема интенсификации научного труда требует этого».

Таковы факты. А теперь попробуем разобраться в них.

С чего начинается социолог?

Если бы Петров знал основные вехи развития той науки, от имени которой хотел выступать, то он не стал бы кокетливо становиться в позу мессии или мученика, услышав о том, что его называют инквизитором, а очень самокритично посмотрел бы на дело рук своих.

Настоящий социолог или социальный психолог – фигура сложная. Это объясняется тем, что различные этапы социологического исследования предъявляют специфические требования к ученому. На одном этапе надо быть глубоким оригинальным теоретиком, на другом – изощренным методологом, на третьем – вежливым, обаятельным интервьюером, на четвертом – внимательным, аккуратным кодировщиком, на пятом – острым интерпретатором. Естественно, что все эти качества редко сочетаются в одном лице. Подобно тому, как хирургическая операция сегодня немислима без ассистентов, инженеров, хирургических сестер, анестезиологов, современный социологический проект реализуется научным коллективом, в котором каждый выполняет свои специфические функции.

Однако какую бы роль ни играл тот или иной научный сотрудник, есть одно общее качество, которое необходимо каждому настоящему социологу и которое делает его родным братом врачу. Это свойство связано с требованием – не вредить!

Социолог-марксист отличается, прежде всего, гуманной и высоконравственной позицией. Он начинается с признания полной и безусловной суверенности личности человека, которая сама по себе обладает высшей ценностью. Даже если вам мерещится полный переворот в формах оплаты труда или докторская диссертация, вы, если вы настоящий социолог, не имеете права нанести ущерб личности, которая участвует в вашей работе.

Социолог-марксист начинается с того, что он отказывается принимать участие в бездушных манипуляторских затеях, которые не согласуются с нравственными принципами науки. Это требование встречают в штыки нравственно глухие научные работники, невольно свидетельствуя тем самым о своей профессиональной непригодности. С этой точки зрения позиция наших ученых принципиально отличается от позиции буржуазных социологов, для которых человек – безучастный объект исследования, подобно жуку или бабочке для биолога. Социолог-марксист никогда на это не пойдет. Он обязан знать состояние своей в высшей степени специфической науки, иметь представление о том, насколько разработаны те или иные методы, прошли ли они соответствующую апробацию и в какой мере их можно использовать. Методы социологии столь же ответственны, сколь и методы врачевания.

Социологические исследования при правильной их постановке имеют огромное воспитательное значение. Они

оказывают благоприятное влияние на человеческое общение. Они дают образцы тактичного, уважительного отношения к человеку. Они способствуют более глубокому пониманию специфических особенностей и мотивов поведения других людей, разрушают предвзятость и предрассудки. Социологические исследования уже сегодня играют важную конструктивную роль в дальнейшем развитии подлинно социалистических отношений.

Общество – объект, открытый для наблюдений. Каждый человек, опираясь на собственный опыт, пытается судить о том, что люди любят, что им не нравится, как они относятся к тем или иным явлениям или друг к другу. Однако социолог-профессионал в отличие от дилетанта помнит, насколько тонка и хрупка структура межличностных взаимоотношений, как легко разрушить ее и нанести тяжелую травму человеку, что разрушить коллектив, перессорить людей куда проще, чем создать отношения подлинного уважения и товарищеского сотрудничества.

Неделикатность в области человеческих отношений, общение с «позиции силы», удары авторитетом – вещи столь же недопустимые для социолога, как пользование топором для хирурга. «Не будете ли вы столь любезны ответить на ряд вопросов?» – «Нет, я не хотел бы отвечать сейчас ни на какие вопросы». – «Извините за беспокойство, всего хорошего». И все. Больше социолог никаких вопросов не имеет права ставить. Никаких «почему», никаких призывов к совести, долгу. Это любезность, если незнакомый человек согласился затратить свое время и ответить на вопросы, которые вы ему задали. Он имеет полное право не отвечать. Если же у него возникает хотя бы малейшее подозрение, что информация, которую он поставляет, может повредить ему, то это ошибка исследователя. После такого сигнала он должен немедленно прекратить анкетирование или интервьюирование и заново пересмотреть всю методику.

Люди, бывшие во Франции, нередко отмечают, что французы малокоммуникабельны. Действительно, во французских поездах можно наблюдать такую картину: каждый укладывает свой чемодан на полку, раскрывает книжку или газету, достает бутерброд, бутылочку воды или вина. И никто не спрашивает друг друга: «А вы откуда? Вы куда? Кем работаете?»

Как-то я заговорил об этом с французскими психологами, и они объяснили мне все иначе. «Нам кажется, что дело не в малой коммуникабельности, а в деликатности. Вдруг у вашего соседа

по купе умирает близкий человек и ему совсем не хочется обсуждать ваши вопросы. А другой просто хочет в дороге немного собраться с мыслями. Поэтому, если я не знаю, расположен ли данный человек вступать в контакт, я не имею права нарушать его душевный покой».

Бестактный человек – это микроагрессор. Он также социально опасен, как пьяный шофер. Он посягает на ваше настроение, на ваше «я», на суверенитет вашей личности.

Бестактность не является монополией безграмотных социологов. Любителей задавать вопросы значительно больше. Среди подобных душевно глухих людей просматриваются два основных типа: одни как бы спускаются «по вертикали», другие въезжают «по горизонтали».

Я поступаю на работу. Обязуюсь печь хлеб, тачать сапоги или печатать книги. В связи с этим я вступаю в производственные отношения с начальником своего цеха. В определенных пределах я должен выполнять его распоряжения. Но я совсем не обязан его любить или восхищаться его эстетическими взглядами. Наше равенство перед законом, наши отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи в том, в частности, и выражаются, что только в процессе труда я подчинен своему руководителю, а в остальном я равен ему. А может быть, и выше его.

Одно из профессиональных заболеваний, которое, к сожалению, не изучается соответствующими институтами, заключается в том, что некоторые люди с трудом выходят из своей роли: привыкнув распоряжаться в служебном кабинете, они и за пределами его по инерции продолжают командовать. Это бесцеремонное вторжение в чужую жизнь, нарушение суверенности личности нельзя квалифицировать иначе как злоупотребление служебным положением.

Второй тип – «по горизонтали». Каковы же его признаки? У некоторых крупных специалистов возникает уверенность в непререкаемости своего авторитета, причем не в области собственных исследований, где они обычно держатся скромно, но в целом. Скажем, известному химику начинает казаться, что он гений в экономике, и в праве, и в психологии, и в других областях науки.

Как-то я присутствовал на выступлении одного крупного математика. Он твердо ответил «не знаю» на 90 процентов вопросов, касающихся его предмета, и вел себя здесь в высшей степени корректно. Зато он без тени сомнения брался за решение любой задачи из других областей знания, особенно

связанных с общественными науками. Твердые «да» и «нет» сыпались здесь на все сто из каждых ста вопросов.

Ну а если такой специалист становится социологом (кстати, это случалось за последние годы не так уж редко)? Тогда отсутствие социологического образования дополняется еще и гуманитарным невежеством. Инженеры привыкают к отношениям типа «человек – машина» и переносят их на отношения совсем иного типа – «человек – человек». «Машинный подход» опасен привычкой к тому, что машине можно задавать любые вопросы. При этом не возникает никаких этических проблем: не хватает информации – добрать, вот и все. Такой подход, к сожалению, характерен и для большой группы людей, пытающихся заниматься социологией. «Спрашивайте, мальчики, спрашивайте», – сказал поэт. И они спрашивают вовсю.

Разумеется, в исследовании могут использоваться самые тонкие методы – тесты, вопросы, значение которых понятно лишь профессионалам. Поэтому нельзя по отдельным, выдернутым из контекста пунктам анкеты пытаться судить о работе в целом. Но два условия должны соблюдаться при любом социологическом исследовании: первое – добровольность предоставления информации, второе – честность во взаимоотношениях между социологом и тем, кого он опрашивает.

Об информации и дезинформации

Беда не только в том, что методы, которые использовали директор института Константинов и заведующий социологической лабораторией Петров, противоречат нравственным принципам марксистской социологии. Худо и то, что они не позволяют получать достоверную информацию. «Нам нужна полная и правдивая информация, – писал В. И. Ленин. – А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить»⁶. Социолог-марксист постоянно ощущает свою ответственность перед народом за полученные им результаты. Он, как всякий ученый, выше всего ставит истину. А выявить истину совсем не просто, особенно тогда, когда информация поступает к исследователю непосредственно от человека. Это можно пояснить, используя следующую схему: А–В–С–D.

В ней:

А – изучаемое явление (например, набор профессий или вариантов жизненных путей);

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 446.

В – восприятие индивидом, или группой, или классом данного явления с учетом той деформации, которая обусловлена социальной позицией;

С – то, что человек сообщает в анкете, в интервью исследователю о своём восприятии данного явления. Эта информация подвержена социальному контролю. Даже тогда, когда человек вполне осознал свое отношение к данному явлению, он в силу тех или иных причин может не дать информацию о своем действительном отношении или намерениях;

D – реальные поступки, решения, поведение различных индивидов и групп. Очевидно, что они, прежде всего, связаны с В, то есть с тем, как в действительности воспринимают люди то или иное явление, а не с тем, что они сообщают; об этом в анкетах и интервью. Поэтому D и С совпадают друг с другом, а могут и существенно различаться.

Для человека, работающего в области конкретных исследований, совершенно очевидно, что анкета совсем не является какой-то универсальной социологической отмычкой. В ряде случаев достоверная информация не может быть получена с помощью анкеты или интервью. Поэтому социология использует все источники: данные государственной статистики, различные формы отчетности, непосредственные наблюдения и т. д. и т. п.

Если же мы попытаемся делать выводы на основе информации, полученной от человека, надо ясно представить себе, как она была получена, каким способом, в какой ситуации. Без этого такие данные могут стать лишь дезинформацией руководящих органов, основой ошибочных и вредных решений. Без этого, как говорил Ленин в своей знаменитой статье «Статистика и социология», «неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»⁷.

Возьмем, например, некоторые работы экономистов и социологов по изучению причин текучести рабочей силы. Важность выявления их никем не подвергается сомнению. Но беда в том, что многие исследователи априорно исходят из того, что В равно С. В действительности же человек сплошь и рядом отвечает не то что думает, а то, чего, как он полагает, ждет от

⁷ там же, 30, стр. 351

него исследователь или общественность. Ну, скажем, человек увольняется с предприятия. Каждый знает, что это обычно не очень приятная процедура. И вот в этой ситуации в отделе кадров увольняющемуся предлагают заполнить анкету, подчеркнуть одну (или несколько) из 20 возможных «причин увольнения». В «подсказке» предлагается такой вариант: «Неудовлетворенность заработной платой». А у человека возникает мысль: «Я это подчеркну, а они позвонят на новое место работы и скажут: «Кого берете? Это же рвач». «Подсказка» продолжается: «Плохие отношения с мастером», «Плохие отношения с коллективом». Снова возникает мысль: «А вдруг кто-нибудь на новом месте работы скажет: «Склочник! Сам признался». Наконец увольняющийся находит какой-нибудь размытый, ничего не говорящий вариант вроде: «По личным обстоятельствам». «Вот это для меня. Здесь я хотя бы сам себе не наврежу», – думает он, подчеркивая этот пункт. А потом те, кто проводил обследование, делают сногсшибательный вывод: «В наших условиях лишь 10 процентов неудовлетворены зарплатой. Это свидетельствует о том, что зарплата, материальные стимулы уже отошли на второй план». Но ведь это же чистейшая дезинформация, возникшая вследствие крайне низкого профессионального уровня исследования. Из-за нее может быть прекращено совершенствование материального стимулирования. А в действительности-то его как раз и надо развивать.

Если посмотреть на результаты деятельности социологов в том НИИ, о котором шла речь, с позиции достоверности информации, то грубейшие ошибки окажутся очевидными.

Испокон веков все согласны, что платить научным сотрудникам надо в зависимости от количества и качества их труда. Проблема всегда была в другом: как точно количественно измерить эффективность научно-исследовательских работ? Разумеется, практика – всегда критерий истины. Но пока открытие еще не в металле, а на бумаге, кто может точно сказать, нужно ли оно вообще? Кто вероятнее всего не даст маху и правильно санкционирует расходы на продолжение исследований по теме № 17 и рекомендует прекратить финансирование по теме -№23?

Пока лучше, чем экспертная оценка специалистов, крупнейших авторитетов в данной области, ничего не придумано. По идее, директор НИИ, будучи крупным ученым и располагая заключениями экспертов, должен быть способен

оценить по достоинству реальный научный вклад лаборатории и ее руководителя.

Но можно все это весьма сложное и ответственное дело шаржировать. Например, поручить взаимную оценку работ самим сотрудникам лаборатории, пусть старшие и младшие научные сотрудники, лаборанты, аспиранты определяют вклад в науку заведующего лабораторией и ставят ему оценку по пятибалльной системе, а потом директор суммирует все эти оценки и под псевдодемократический аккомпанемент (дескать, коллектив всегда прав) выведет среднюю арифметическую, которую и положит в основу аттестации.

Стоит ли говорить, что в этом случае в результате привлечения недостаточно компетентных судей их оценкой ни в коем случае нельзя руководствоваться, особенно при решении человеческих судеб. Мы уж не говорим о том, что взаимные оценки затрагивают весьма чувствительные струны человеческого сердца.

Нет, мы не возьмемся утверждать, что во всякой области знания этическая сторона органически связана с достижением истины. Может быть, есть какие-то этически нейтральные области науки, но здесь, в изучении человеческих отношений, этика и истина неразрывны. Вот почему люди с неразвитым моральным чувством, душевно глухие неминуемо терпят в социологии крах и как научные работники.

Жизненность этой проблемы, ее возможности для остросюжетного произведения понял, в частности, писатель Виктор Конецкий. В его повести «Путевые портреты с морским пейзажем» («Звезда», 1976, № 3) блестяще написан тип «социально опасного социолога» (Шалапина) и создана основа для прекрасной кинокомедии о том, как замороченный тестами и в результате переругавшийся «подопытный экипаж» сажает корабль на камни.

«Аффект неадекватности» у ученых

То, что мы рассказали, пока касается людей, оказавшихся по тем или иным причинам в данной области науки более или менее случайно. Но и сама наука, между прочим, тоже не безгрешна. Она никогда не знает точно, что она может, а что нет, и вечно пытается превзойти собственные пределы. И не стремится социология к мирному сосуществованию с литературой. Напротив, она не прочь потеснить литераторов, захватить новые земли, самой вести исследование человека в предельных ситуациях.

Здесь отношение между ученым и реципиентом вновь замутняется, ибо ученый неизбежно должен как-то обмануть обследуемого, спровоцировать его, чтобы получить нужные данные. И в этом случае вопрос, как обмануть становится одной из главных методологических проблем исследования.

Передо мной сборник, посвященный изучению мотивации детей и подростков. В теоретическом и методологическом плане здесь немало любопытного, прежде всего в связи с исследованием возникновения и роли самооценки, конфликтов между самооценкой, оценкой окружающих и тем идеальным представлением, которому человек стремится соответствовать. Безусловно, важным представляется и исследование так называемого аффекта неадекватности, возникшего в результате того, что притязание на определенное положение в обществе или в коллективе превышает возможности, а человек оказывается не в состоянии изменить свою самооценку и игнорирует свой неуспех. Так формируется неадекватное отношение к действительности, обида, уверенность в несправедливости оценок других, агрессивность к тем людям и обстоятельствам, которые обнаруживают несостоятельность притязаний. В результате, как отмечают авторы сборника, переживание обиды и несправедливости позволяет человеку чувствовать себя «хорошим», оставаться в своих глазах «на должной высоте», более того чувствовать себя незаслуженно пострадавшим, что еще больше возвышает его в собственных глазах и исключает недовольство собой.

Сборник интересный. Но когда мы переходим к знакомству с методами экспериментального выявления направленности личности подростков, возникает чувство неловкости. «При подготовке эксперимента необходимо было так разработать инструкцию и ход опытов, чтобы иметь возможность испробовать личные методики на одних и тех же испытуемых. Кроме того, нужно было добиться, чтобы эксперимент не создавал у испытуемых впечатление специального исследования их личности, а выступал как задание, естественно связанное с их участием в общественно полезной деятельности»⁸.

Перед учеными уже возник вопрос о допустимых границах эксперимента. Но как видно, они ничтоже сумняшеся переходят эти границы: раз этого требуют сформулированные ими задачи, то не надо говорить испытуемым о подлинных целях, о том, для чего все это делается, то есть надо обмануть их.

⁸ «Изучение мотивации поведения детей и подростков». М. «Педагогика» 1972. стр. 250.

Вот как совершается эта операция. Один из экспериментаторов зачитывает инструкцию № 1: «Это исследование связано с задачами общегосударственного планирования производства различных электронных и счетно-решающих устройств. Такие работы очень важны для будущего широкого внедрения этих машин в производство и в различные области жизни. Для того чтобы установить наилучшие режимы работы этих машин, необходимо знать, как люди воспринимают и оценивают время, расстояния, как быстро они могут отвечать на различные сигналы».

Как понимает читатель, все это неправда. Ни малейшего отношения ни к задачам «общегосударственного планирования различных электронных и счетно-решающих устройств», ни к «внедрению этих машин», ни к режиму работы этих машин эксперимент не имеет. Просто экспериментаторам нужно заморочить головы подросткам от имени ее величества НТР, ее превосходительства ЭВМ и т. д. Говорят, бывает святая ложь. Может быть, это как раз тот случай?

Но возникает встречный вопрос: достижима ли истина, если для этого нужна ложь? Иначе говоря, не почувствуют ли молодые люди сами (или с помощью родителей), что дело здесь совсем не в проектировании ЭВМ, а в чем-то совсем ином? И не породит ли это у них настороженности, нежелания говорить правду: «Раз меня так, то и я так»? И может ли из таких отношений между экспериментаторами и испытуемыми рождаться истина?

Впрочем, дело не только в этом. Главное здесь – нравственный ущерб. Ученые в ходе такого эксперимента невольно преподают наглядный урок о границах честности, и не должны ли подростки сделать из этого урока вывод, что если взрослые дяди и тети имеют право обманывать во имя своих интересов, то, стало быть, им тоже можно приврать, исходя из своих? Как видим, «принцип дополнительности» – о влиянии экспериментатора на результаты эксперимента – в данном случае оборачивается к нам, прежде всего своей моральной стороной. Вряд ли можно надеяться, что мы далеко уедем на двойной морали: одна для нас, другая для них. И особенно опасно, когда мы лжем подросткам от имени науки.

Иногда возражают: «Бросьте выдумывать! Никаких моральных пределов нет. А если и есть, то их нельзя точно определить». Между тем вряд ли можно полагать, что эти пределы непознаваемы. Особенно, как это ни удивительно, они отчетливо ощущаются в гуманитарных науках. И не там ли эта

граница для ученого-гуманитария, где он не может продолжать исследование, не обманывая обследуемых? Не тут ли он должен остановиться?

«По назначению своего сердца»

Для русской социологии всегда был присущ гуманизм, не только исключая нанесение какого-либо вреда людям, которые обследуются, но, напротив, предполагающий проявление к ним максимума внимания, стремление помочь им, так точно выражается старым, почти вышедшим из обращения словом «милосердие». Вспомним, например, что писал Л. Толстой по поводу нравственной стороны переписи 1882 года в Москве, в которой он сам принимал активное участие:

«Цель переписи научная. Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии – счастье людей. Наука эта и ее приемы резко отличается от всех других наук. Особенность – в том, что социологические исследования не производятся учеными по своим кабинетам, обсерваториям и лабораториям, а двумя тысячами людей из общества. Другая особенность та, что исследования других наук производятся не над живыми людьми, а здесь над живыми людьми. Третья особенность та, что цель всякой другой науки есть только знание, а здесь – благо людей. Туманные пятна можно исследовать одному, а для исследования Москвы нужно 2000 людей. Цель исследования туманных пятен только та, чтобы узнать все про туманные пятна; цель исследования жителей та, чтобы вывести законы социологии и на основании этих законов учредить лучше жизнь людей. Туманным пятнам все равно, исследуют их или нет, и они ждали и еще долго готовы ждать; но жителям Москвы не все равно, особенно тем несчастным, которые составляют самый интересный предмет науки социологии».

Толстой прекрасно понимал научное и социальное значение переписи, в ходе которой не могло не выявиться, что в Москве живут десятки тысяч людей без хлеба, одежды и приюта. Но еще больше он был озабочен тем, что тысячи молодых людей будут в качестве счетчиков смотреть, как мучаются их соотечественники, и спокойно регистрировать умирающих с голода и холода. Это было бы дурно и безнравственно.

Поскольку цель социологии – «учредить лучше жизнь людей». Толстой призывает руководителей, счетчиков, всех жителей Москвы не ограничиваться лишь регистрацией. Не по команде начальства, «а по назначению своего сердца» он

призывает присоединить к делу переписи дело помощи нуждающимся, чтобы и по окончании обследования продолжать его, ибо, как бы кто ни смотрел на жизнь, всякий согласен, что важнее нет ничего человеческой жизни. «И это надо не забывать и не позволять никаким другим соображениям заслонять от нас важнейшее дело нашей жизни. Будем записывать, считать, но не будем забывать, что если нам встретится человек раздетый и голодный, то помочь ему важнее всех возможных исследований, открытий всех возможных наук; что если бы был вопрос в том, заняться ли старухой, которая второй день не ела, или погубить всю работу переписи, – пропадай вся перепись, только бы накормите старуху!»

Так круто, на предельной ноте ставит этот нравственно-научный вопрос Лев Толстой, что не может читатель не вспомнить о слезинке ребенка, о которой писал и другой наш великий соотечественник.

Участвуя в переписи сам, знакомясь с обездоленными, больными и умирающими в подвалах и ночлежных домах Москвы, Лев Толстой замечает, насколько трудна задача помощи, что благотворительность недостаточна, что «когда приходилось вникать в то, что требовалось, то оказывалось, что потребности равномерно возрастали по мере помощи, и не было и не могло быть удовлетворения», «что несчастье их не поправимо внешними средствами, что они, ни в каком положении не могут быть счастливы, если взгляд их на жизнь останется тот же...».

«Я не понимал того, – признается Толстой два года спустя в статье «Так что же нам делать?», рассказывая о своем участии в этой переписи, – и помочь такому человеку можно только тем, чтобы переменить его мирозерцание. А чтобы переменить мирозерцание другого человека, надо самому иметь свое лучшее мирозерцание и жить сообразно с ним, а у меня было такое же, как у них, и я жил сообразно с тем мирозерцанием, которое должно быть изменено для того, чтобы люди эти перестали быть несчастными».

Врачу – исцелился сам. Такой вывод делает Лев Толстой, обращаясь к себе и своему сословию. Люди высшего сословия не могут врачевать, ибо сами корыстны, злы, аморальны, не могут помочь миллионам нуждающихся, ибо больно все общество.

Тем не менее, надежда не покидает Толстого. Он не может не надеяться, когда-нибудь люди проснутся и поймут, что нет ни одной обязанности, которая была бы важнее, чем эта. «Почему не надеяться, что с обществом, с человечеством не будет то же,

что бывает с больным организмом, когда вдруг наступит, момент выздоровления? Организм болен, это значит, что клеточки перестают производить свою таинственную работу: одни умирают, другие поражаются, третьи остаются безразличными, работают для себя. Но вдруг наступает момент, когда каждая живая клеточка начинает самостоятельную жизненную работу: она вытесняет мертвые; запирает живую преградой зараженные, сообщает жизнь отживавшим, и тело воскресает и живет полною жизнью.

Отчего же не думать и не надеяться, что клеточки нашего общества оживут и оживят организм? Мы не знаем, в чьей власти жизнь клеточки, но мы знаем, что наша жизнь в нашей власти. Мы можем проявить свет, который есть в нас, или загасить его».

Вот как сто лет назад ставил вопрос властитель дум той эпохи, «зеркало русской революции», писатель Лев Толстой! И уместно ли нам теперь, после всего пережитого, игнорировать эту нравственную традицию русской мысли?

Увлечения и ограничения

В начале развития любой области знания энтузиасты обычно преувеличивают ожидаемые от нее результаты. Это не удивительно. Ведь здесь – до начала исследований – они имеют дело с непрофессионалами, которые обычно не представляют себе, как тернист путь науки, которые не знают, что лишь десятая часть реализованных исследований дает действительно важные результаты. Настолько важные, что они с лихвой перекрывают все затраты. Если ты сам не попробовал этой езды в неизвестное, не ощутил на себе трудностей поиска – вряд ли ты вполне поймешь других. Неудивительно, что поначалу ученым приходится, говоря о своей области знания, несколько форсировать свой энтузиазм. Без этого не построишь синхрофазоциклотрон стоимостью в сотни миллионов рублей, не создашь современный вычислительный центр, не организуешь новый, современный биологический институт. Без этого нельзя провести и серьезных социологических исследований.

Впрочем, дело не только в этом. Люди сплошь и рядом становятся жертвами собственной пропаганды. И ученым, работающим в социологии, которые столько сил потратили на то, чтобы возродить эту область знания, начинает казаться, что они всемогущи, что они методами своей науки способны изучить человека и общество вдоль и поперек. Самоокопачивая себя, они вторгаются в соседние области знания, в искусство, в

литературу, полагая, что все им ведомо и доступно. Здесь, на этих рубежах, сплошь и рядом происходит превращение науки в то, что К.Маркс называл светскими формами религиозного сознания. Вот почему поистине актуально и сейчас, прежде чем объединяться, размежеваться, критически оценить используемые методы, уяснить себе, кто есть кто, где чья сфера влияния.

Социология, как мы уже говорили выше, возрождалась у нас в стране как наука дискурсивная, то есть широко использующая статистические и математические методы. С тех пор как в начале 1960-х годов были изданы первые книги по количественным методам социологических исследований, интерес к ним не затухал. Именно это отмечали после VI Всемирного социологического конгресса западные обозреватели, пытаясь понять причину, специфику и направление «социологического бума» в СССР. Этот интерес к количественным методам был вызван не столько стремлением приподнять социологию, сколько практической направленностью, стремлением дать свои разработки в форме, которая позволяла бы их непосредственно учесть при подготовке и принятии соответствующих решений. И такой «перекос» в сторону логических, математических методов был бы естественным и плодотворным, если бы сохранялось чувство меры, если бы он не был связан с недооценкой литературы и искусства как исключительно важных форм познания социальных явлений и процессов.

Перелом наметился лишь за последние годы, когда социологи стали более явственно ощущать пределы своей области знания. Этому способствовало и то, что сам взгляд на искусство и науку за последнее десятилетие непрерывно обобщался. Если прежде наука с ее специфическими методами рассматривалась часто как единственная форма познания окружающего нас мира, то теперь даже для представителей самых точных областей знания становится все более очевидно, что познанию социального без литературы, искусства не обойтись.

Член-корреспондент АН СССР физик Е.Л. Фейнберг в своей статье в «Вопросах философии» справедливо выступил против фетишизации логического мышления, против недооценки синтетических, интуитивных форм познания, характерных для искусства.

«И в эпоху научного знания, – пишет он, – интуитивное постижение нисколько не утратило своего важнейшего значения

(хотя некоторые объекты суждений, опосредствованные дискурсивно и опытно, перешли в сферу науки). Более того, рост авторитета дискурсивного знания, доходящий до попыток фетишизации дискуссии, с одной стороны, ослабление таких источников авторитета интуиции, как религиозная мистика, обрядовость и опора на божественный авторитет, – с другой, предъявляют повышенные требования к искусству в целом и к ассоциативной, эмоциональной и интеллектуальной восприимчивости тех, кому искусство адресовано. Возможно, в этом кроется и причина усложнения, обострения форм, средств, используемых искусством.

Поэтому, можно полагать, искусство как метод, помогающий удержать познание от монополии дискурсии (функции которой во всевозрастающей степени передаются машине) и тем обеспечить полноту познания, будет необходимо и в будущем, поскольку адекватное и полное познание в целом есть необходимое условие существования человечества»⁹.

Хотя здесь автор и рассматривает искусство в основном с точки зрения познания, с его суждениями трудно не согласиться. Более того, этот подход дает возможность дифференцированно посмотреть на соотношение дискурсии и интуиции в различных областях знания. Математика, физика, техника, химия, биология, гуманитарные науки – наверное, я не очень ошибусь, если буду утверждать, что соотношение дискурсии и интуиции в них различно, хотя, может быть, я и не вполне строго ранжировал их по этому признаку. Если в математике почти безраздельно господствует дискурсия, если она, особенно в XX веке, захватила командные высоты в физике, технике, то вряд ли это можно утверждать, говоря о гуманитарных науках, в частности о социологии, где роль интуиции в действительно содержательных открытиях чрезвычайно велика, хотя, конечно, социология, как, впрочем, и биология и история, чтобы выглядеть прилично и современно, при каждом удобном и неудобном случае стремится облечь свои интуитивно полученные выводы в дискурсивные наряды.

Важная роль чисто интуитивного познания в науках об обществе обуславливает противоречивые последствия. Во-первых, это требует иных, нелогических форм доказательности истины. Сплошь и рядом критериями истины здесь являются суждения, которые разделяются другими специалистами. Вот почему отбор специалистов, способных отличать сверкающие крупинки нового знания от серого песка эпигонства и

⁹ «Вопросы философии», 1976, № 7, стр. 108.

невежества, имеет первостепенное значение для существования социологии. Если в ученых советах, ВАКе сосредоточены действительно профессионалы, эрудированные, знающие состояние социологии в стране и за рубежом, которые сами проводили оригинальные, теоретически и практически важные исследования и способны выполнять роль экспертов, то наука имеет перспективы развития. Если же специалисты вытесняются, а командные высоты занимают случайные люди, то ликвидируются основные критерии научности. Во-вторых, нельзя не видеть, что возрастание роли интуиции расширяет возможности спекуляции. Фетиши авторитета, должности, звания – все это может быть использовано и нередко используется вместо дискурсивных критериев истины и существенно ослабляет чисто научные позиции гуманитариев.

Нередко самообман ученого-социолога питается ограниченностью информации. Ну, скажем, имеющаяся статистика позволяет ему учесть пять факторов, влияющих на данный процесс. На них он может построить удивительные дискурсионные замки, использовать теорию графов, теорию вероятности, математическую статистику, мощные компьютеры, делающие миллионы операций в секунду, и пр. и пр. А на самом деле данный социальный процесс обусловлен не пятью, а ста факторами. Да к тому же вовлеченные в исследование пять факторов не являются главными, определяющими. В итоге все эти упражнения не дают адекватного представления о данном процессе.

«Порок таких работ, – говорит И. Грекова, человек весьма искушенный и в математике и в литературе, – отсутствие доматематического, качественного анализа явления, подлинной постановки задачи. Умение ставить задачи, безусловно, должно быть отнесено к области искусства, и в этой зоне наука теснейшим образом смыкается с искусством, включает в себя элементы искусства как неотъемлемую часть.

К сожалению, многие авторы пренебрегают этой важнейшей стороной научных исследований и заполняют свои страницы пустыми формальными выкладками. Через этот барьер формул и мутных мыслей (зачастую неясных даже автору) трудно бывает продраться, чтобы с уверенностью квалифицировать работу как образец псевдонауки»¹⁰.

Вагранка или модель человека

¹⁰ «Вопросы философии», 1976, № 10, стр. 105.

Это особенно важно, когда в социологических или социально-психологических исследованиях мы от среднестатистического человека или от среднеарифметического представителя того или иного класса или группы доходим до проблем личности. Выдергивая то одну, то другую группу факторов, мы неизбежно искажаем картину, хотя порой нам и кажется, что мы просто делаем ее менее сложной, более простой. Но без этих сложностей при бесчисленных ограничениях и абстракциях теряется то, что поэт называл «лица необщим выраженьем» и что мы называем личностью. Напротив, при комплексном подходе множество тончайших социально-психологических проблем всплывает перед исследователем. Здесь такие нюансы, такие глубины, которые не постигнешь с помощью каменных орудий современной социологии и психологии и которых, будем справедливы, некоторые исследователи просто не чувствуют. Все это лишь подчеркивает настоятельную необходимость использования для более полного Познания социальных явлений средств не только науки, но и искусства, прежде всего литературы.

Тут требуются психологические эксперименты в предельной ситуации. Тут нужно идти до края, до пропасти. И здесь не обойтись без писателей, которые задолго до появления слов о системном, комплексном и прочих подходах доступно разъяснили вещи, которые нынче начинают переоткрывать. «Что знает рассудок? – спрашивал, например, Ф.М.Достоевский. И отвечал: Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает: это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет»¹¹.

Если так подходить к натуре человеческой, то в ней обнаруживается немало удивительного, алогичного, парадоксального. Например, в структуре ценностей жизни и мотивов поведения, о которых теперь любят говорить и писать социологи. «Ведь вы, господа, сколько мне известно, – говорит цитировавшийся выше автор устами человека из подполья, – весь ваш реестр человеческих выгод взяли средним числом из статистических цифр и из научно-экономических формул. Ведь ваши выгоды – это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее и так далее, так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел против всего этого, реестра, был бы, по-вашему, ну, да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем

¹¹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л. «Наука». 1973, т. 5. стр. 115.

сумасшедший, так ли? Но ведь вот что удивительно: отчего это так происходит, что все эти статистики, мудрецы и любители рода человеческого, при исчислении человеческих выгод, постоянно одну выгоду пропускают? Даже и в расчет ее не берут в том виде, в каком ее следует брать, а от этого и весь расчет зависит»¹².

О какой же выгоде, от которой весь расчет зависит, говорит этот знаток души человеческой, высмеивая любителей «научно-экономических формул» и «статистических цифр»? Вот, пожалуйста: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту». И удивительнее всего: это оказывается не так уже вредно нашему брату, «может быть выгоднее всех выгод... потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность»¹³.

Можно спорить с Ф.М. Достоевским, но нельзя не видеть, что такие нюансы не схватишь с помощью дискурсивного знания. В этих рассуждениях свобода самовыражения, самоосуществления, право на собственные поиски и ошибки – это главнейшая ценность, без которой человек не может сохранить себя как личность. И то, что мы стремимся расширить эту свободу, обеспечить, в том числе, расширение свободы поисков призвания не для капризничавших одиночек, а для всего общества, для всех классов и социальных групп, – лучшее свидетельство того, что здесь создаются все более благоприятные условия для синтеза человека экономического, социального и духовного, реальных шагов к обществу, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁴.

Социолог – не будем об этом забывать – изучает, строго говоря, не личность, а среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. При операции осреднения живого человека как бы обстругивают. В результате у него из бесконечного числа граней, в которых запечатлелась его и его предков природа, история, социум и что придавало ему отблеск единственности и неповторимости, остается совсем немного – в

¹² «Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах, стр. 110—111.

¹³ Там же, стр. 113, 115.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 447.

зависимости от того, как его обстругивали исследователи. Он может стать трехмерным или плоским, как доска, а то и одномерным человеком. Если по результатам такого абстрагирования (то есть обстругивания) мы попытаемся делать прогнозы относительно его поведения – мы только людей насмешим: индивидуум скончался при операции осреднения, а для изучения поведения живых людей нельзя использовать трупы. И здесь в нашем анализе мы наталкиваемся на пределы, которые не перейдешь. К тому же этот среднестатистический человек в среднестатистической ситуации, конечно же, безнравственный и бездуховный. А если мы из него выпотрошили совесть, способность к самооценке и самоограничению, нравственное самосознание, то его модель оказывается весьма несовершенной. И хотя сейчас некоторые математики в эйфории публично обещают сконструировать модель человека, это может вызвать у людей, способных к критическому анализу, лишь усмешку. Эти математики (или кибернетики) имеют тысячекратно преувеличенное представление о возможностях науки и тысячекратно преуменьшенное представление о сложности человека, который уж наверняка не менее неисчерпаем, чем атом.

Как-то два математика в Академгородке под Новосибирском объявили, что они построят модель человека. Они напряженно работали два года. Наконец, когда дело дошло до выдачи результатов, они несколько смущенно объявили: «Модель человека у нас пока не получилась, но мы построили модель КМК – Кузнецкого металлургического комбината, точнее модель вагранки». Это было, конечно, честное признание. И оно имеет важное значение и сегодня, прежде всего в главном: давайте не путать человека с вагранкой, давайте реально видеть пределы научного знания.

«Пределы – здесь, пределы – там, – скажет недовольный читатель – А как же прогресс науки?» Не знаю, кто и когда вбил нам в голову мысль об исключительной самоценности развития науки. И так прочно, что стали мы порой забывать, что прогресс знания не цель, а средство. Причем средство, целиком и полностью подчиненное интересам человека и человечества.

Речь, конечно, не идет об абсолютных, незыблемых пределах. По мере того как сужаются возможности дискурсивного познания социума и человека, все более расширяются иные горизонты. В том, чего сегодня не может совершить наука, не преступая своих собственных ограничений

и нравственных пределов, ей может помочь искусство, и, прежде всего литература.

К человеку духовному

С некоторых пор как бы официально признано существование двух потоков, в которых так своеобразно отражается наша жизнь, – социология и литература. На съездах писателей и семинарах, в толстых и тонких журналах – везде теперь они стоят рядом. И так уж примелькался этот расхожий «социологический подход» (звучит солидно и в то же время достаточно туманно), что все чаще писатели и социологи начинают отождествлять друг друга, поскольку, дескать, разница невелика, все мы пишем сочинение на тему «Человек и общество».

Только странная вещь – расширение круга исследований, сам этот литературно-социологический поворот к человеку, проходил не без сюрпризов. Он подталкивал всех, кто хотел видеть, к пониманию, что среднестатистический человек по мере приближения к нему начинает расщепляться на социальные, профессиональные, национальные группы и дальше – вплоть до индивида, до конкретной судьбы. С другой стороны, по мере насыщения элементарных потребностей населения становилось все более очевидно, что не хлебом единым жив человек, что он может быть определен множеством эпитетов:

человек экономический,
человек социальный,
человек духовный.

И все настойчивее звучал вопрос: «Все ли ипостаси его в равной мере отражают социология и литература?»

Нет нужды подробно говорить о литературе как союзнике социологии. Действительно, книги В. Овечкина, Е. Дороша, Г. Троепольского, Г. Радова и других по праву рассматриваются у нас как глубокие исследования жизни нашего общества. И не только в тот период, когда социология была на положении золушки, но и сейчас. И если Маркс называл Бальзака «доктором социальных наук», то и ныне многие писатели, безусловно, заслуживают общенародного признания не только как литераторы, но и как ученые-социологи.

Ныне этот союз укрепляется, взаимодействие родов войск налаживается, осознание своих подлинных ролей и возможностей становится все более четким. Социологи, изучая престиж профессий у молодежи, установили, например, реальное противоречие – низкий престиж сферы обслуживания

именно в тот период, когда эта сфера предъявляет наибольший спрос на рабочую силу, открывает все новые и новые вакансии. Ученые отмечали, что эти занятия рассматриваются как социально презираемые, что нужно разрушить этот предрассудок у молодежи. Литераторы ответили на это реальной работой. Статьи А. Аграновского «Официант», А. Левикова «Обед с официантом» и «Ужин с официанткой», умная содержательная книжка А. Рубинова «Лестница престижа» – все они так точно и художественно интерпретировали занятия в сфере обслуживания, как, видимо, не смогли бы сделать сами научные сотрудники.

В этих публикациях идет принципиально важный разговор о престиже профессий сферы обслуживания. Разговор содержательный и, главное, результативный: социологи уже фиксируют повышение престижа этих самых непопулярных прежде профессий. Впрочем, не будем обольщаться – перекосы в общественном сознании, конечно же, не выправляются несколькими очерками, статьями. Но ясно уже, что союз социологов и литераторов и в сугубо практическом плане весьма перспективен.

А рядом с этой и многими другими проблемами еще более широкая – об изменении отношения к физическому труду. Модные разговоры о НТР, компьютерах, искусственном интеллекте сдвинули набекрень мозги не только у молодых. В результате мы как бы невольно оказываемся в плену наших прожективных концепций. Получается, что во имя мифического завтра приносится в жертву сегодня и тем самым отдалается реальное завтра. Миллионы молодых правдами и неправдами стараются избежать профессий физического труда. Но без них не вытянешь весь народнохозяйственные воз. А тут еще надвигается демографический отлив, порожденный последствиями второй мировой войны, который делает баланс трудовых ресурсов крайне напряженным. Возрождение уважения к физическому труду, к делу рук своих становится одной из крупнейших социальных проблем, которая также требует совместных усилий социологов и литераторов.

Дел у них, как видно, навалом. И первый опыт взаимодействия, совместных акций очень обнадеживает. Литераторы и ученые имеют реальные возможности на основе общественного разделения труда увеличить свой вклад в решения этих важных для народа проблем. И здесь, когда литераторы находятся в кругу тех же вопросов, что и социологи, сотрудничество между ними органично. Тут естественно

сопоставлять проблематику, опираться на результаты науки для отбора наиболее актуальных публицистических тем и, наоборот, черпать из литературы социальные вопросы, ждущие своего научного осмысления и практического решения. И вполне допустимо средствами количественного анализа изучать, нет ли перекоса в публицистике, когда, скажем, все наваливается на одну проблему или на одну стройку, а другие, не менее великие стройки и проблемы, игнорируются.

Да не только в этом. Социологические исследования могут сыграть важную роль в изучении потребления литературы, читательских интересов, вкусов, оценок. Из таких исследований в качестве побочного результата возникают дифференцированные типы читателей, которые интересны уже не только своим отношением к литературе, но и сами по себе. И нет необходимости повторять аргументы за сотрудничество социологов и писателей на этих уровнях, хотя, заметим, и здесь литература отнюдь не может быть зеркальным отражением реальности.

Однако дело коренным образом меняется, когда в анализ вовлекаются собственно художественные произведения. Ну, скажем, берутся романы и повести, опубликованные за год в толстом журнале, подсчитывается пол, возраст, образование, социальная и профессиональная принадлежность героев, количество рождений, смертей, браков, разводов, преступлений, наказаний, и все это сопоставляется со средними показателями по стране, республике, области и из этого делаются выводы вроде того, что журнал «сгущает краски», что молодые люди в романах слишком много пьют, курят, влюбляются, интересуются импортным барахлом чаще, чем положено, разводятся и т. д. и т. п. А ведь именно об этом была острая дискуссия Б. Рунина со свердловскими социологами в № 4 «Литературного обозрения» за 1974 год.

Писатели называют социологию «родственной наукой». К сожалению, «родственники» бывают разные. Сплошь и рядом они отличаются от чужих людей бесцеремонностью. Нечто подобное происходит, когда «социологический родственник» отважно сулит раскрыть «суть искусства» или осуждающе покачивает головой по поводу отклонения прозаика от среднестатистического образца. Ну, представим себе, например, последствия использования подобных подходов к таким произведениям, как «Белый пароход» Ч. Айтматова или «Живи и помни» В. Распутина, огромная нравственная сила которых органически связана с исключительностью ситуации, в которой

оказываются герои. Да и сами герои здесь индивидуальны, необычны, неповторимы, и именно благодаря этому они так поражают воображение читателя, так, говоря "словами Ф.М.Достоевского, «пробивают сердца».

Часто различия между литературой и социологией смазывают: написано поярче, поживее – литература, посуше – социология. В действительности дело не в форме. Суть в том, что они работают в разных плоскостях. По мере перехода от человека экономического и социального к человеку нравственному и духовному роль социологии резко уменьшается, ибо она наталкивается на свои естественные пределы. Напротив, роль литературы резко возрастает, она вырывается на оперативный простор, где ей почти все доступно и дозволено.

Здесь нельзя рассчитывать, что научные работники откроют глаза литераторам, укажут нравственные и духовные коллизии. А ведь это главное поприще творчества писателя. Несоизмеримость героев художественных произведений, несводимость их к общему знаменателю, сложность и непредсказуемость художественного взаимодействия книги и читателя, опасность обстругивания образа фактически не дает права социологу на оценочные суждения, а тем более на декларации о том, хорошо или плохо отражает этот роман реальную жизнь.

Здесь опять рвется социология за свои пределы. Опять хочет возвыситься на плечах других – оценивать, сравнивать, командовать, управлять. Разумеется, социологи имеют право, как и все, высказывать свое мнение, но в этом случае они выступают лишь в роли читателя, а отнюдь не как ученые специалисты. С чувством растущей настороженности я наблюдаю за этими попытками вторжения в творческий процесс, ибо наука для многих литераторов все же авторитет, к ней, что ни говори, прислушиваются. Серость, тривиальность иных современных произведений искусства в огромной мере результат ориентации части наших писателей на эти среднестатистические образцы, которые выдаются за типические. Деятели науки должны быть вдвойне бдительными и втройне корректными, ибо всякая попытка инвентаризации, осреднения художественных произведений вольно или невольно есть покушение на самое дорогое для настоящего художника – на свободу его творчества. Там, где начинается сфера собственно художественного творчества, литератор – главный распорядитель, исследователь и интерпретатор.

Литература сжимает, концентрирует человеческую жизнь, рассматривает предельные ситуации, с которыми человек сталкивается подчас слишком поздно и в таком состоянии, что не имеет уже сил и времени их понять и осмыслить. Подобно металлу, человек обнаруживает себя на изломе, в экстремальных условиях. Только тогда выявляются действительные ценности и резервы личности. Но ведь человек не живет и не может жить постоянно в такой предельной ситуации, у любого самого сильного человека внутренние ресурсы ограничены. И если социолог фиксирует человека в повседневной жизни, то настоящий художник всегда рассматривает человеческую судьбу как сумму его предельных состояний, когда наиболее полно раскрываются его глубинные ценности, нормы, цели и методы.

Писатель имеет право ставить своего героя в самые исключительные, подчас невероятные условия. Когда, например, герой одного из произведений оказывается за линией фронта, в тылу мятежников, с заданием взорвать мост, чтобы обеспечить успех наступления республиканцев, он живет эти дни такой напряженной жизнью, он оказывается в таких переплетках, он так раскрывается в своих поступках, что вряд ли найдется критик, который усомнится в том, что художественно это не только оправдано, но необходимо. И когда в свой последний бой вступает тяжело раненный Джордан, который отдал все что мог за то, что казалось ему достойным и дорогим, читатель не только верит ему больше, чем многим своим закадычным друзьям, но и постигает, почему «этот колокол звонит по тебе».

Сжимая жизнь героев до суммы звездных часов, литература создает новое пространство, новые измерения. В них читатель может уйти от «томительно грустной жизни», когда кажется, что смысл утерян, и жить дальше нельзя. «И только в сфере искусства, – пишет один из крупнейших английских прозаиков, Джон Уэйн, – человечество способно воспарить над своими поражениями и несоответствиями. Лишь созерцая великое полотно, слушая великую симфонию, читая великий роман или поэму, мы присутствуем при утверждении человека без его отрицания, при человеческих достижениях без человеческих провалов – и все это исключительно благодаря тому, что отрицание, провал художественно осмысляются и показываются нам вместе со всем остальным, поднимаясь до высот искусства, когда наши несовершенства как в зеркале отражаются перед нами сквозь наши достоинства, и мы тогда умиротворенно и с благодарностью воспринимаем самих себя».

С этим неразрывно связана защитительная функция литературы. Она активно охраняет право человека на индивидуальность, неповторимость, суверенность его внутреннего мира. «Так, – совершенно справедливо говорит писатель Д. Данин, – параллельно проблеме охраны внешней среды возникает проблема охраны внутреннего мира человека. И также, как в решении первой проблемы неопределима роль науки, так в решении второй – неопределима роль искусства».

Герои этого параллельного мира создают те органические, нравственные ценности, которые лежат в основе собственного поведения читателя в критических ситуациях. Они очерчивают Волгу, дальше которой отступать нельзя. (Хотя пределы эти не универсальны: у одних Волга течет по Днепру, у других – по своему руслу, у третьих – далеко за Уралом.) Тем самым литература активно способствует формированию совести.

Здесь литература помогает не только формированию нравственных норм. Она позволяет человеку обрести смысл своего назначения, неразрывную связь не только с семьей, родом, но и с высшими ценностями культуры. Человек социальный возвышается до человека духовного.

Необходимые предпосылки

Понять, осмыслить во всей полноте эти проблемы сложно потому, что в человеке все туго связано, взаимоопосредовано, круто замешано. К тому же, духовное и нравственное сплошь и рядом подменяется социальным и рациональным. Между тем нельзя добиться повышения роли литературы в нравственном воспитании народа без понимания этой специфики.

Человек социальный, например, очень широкое понятие. И его появление знаменовало собой начало целой эпохи. А когда он вовлек в поле своего зрения и стал идентифицировать свои собственные проблемы не только с семьей, но и с родом, племенем, нацией, наконец, всем человечеством, никто уже не мог отрицать, что он поистине, как говорил Маркс, животное общественное.

Тем не менее, не только это выделяло его из животного мира. Ведь общепризнано, что животные тоже объединяются в малые группы и довольно сложные организации и развитие их подчиняется определенным законам, которые изучает сегодня целый комплекс наук.

Главное отличие человека от животного – в сфере нравственного и духовного, что, разумеется, отнюдь не предполагает отрицания его биологической природы или

значения социальных факторов. Что же касается социальной сферы, то она всегда между духовным и плотским. И она может быть по-разному окрашена. Когда социальная активность идет от духовных потребностей – она имеет высший смысл, она поднимает человека. Когда социальная деятельность окрашена лишь материальным интересом – человек биологизируется и как бы уподобляется своим дальним предкам. Биосоциальные ориентации гипертрофируются, вытесняя нравственные и духовные. В результате возникает и получает распространение специфический тип личности, который с некоторыми оговорками можно было бы назвать рациональный homo sapiens.

Термин «рациональный» нам не кажется вполне адекватным. Он может быть уточнен. Но дело, видимо, не в дефинициях. В их прокрустово ложе не втиснешь сложные и многообразные феномены. Для расшифровки этого типа, который довольно широко распространен, попробуем просто набросать эскиз его словесного портрета.

Человек рациональный – промежуточный продукт общества. В социологии для определения подобного типа используют термин «внешне-ориентированная личность». Ее антагонистом является «внутренне-ориентированная личность», которая не подчиняет себя внушаемым извне правилам поведения. К человеку рациональному ближе всего первая. Он, по сути, весь вовне. Годами в его сознание внедрялось, что человек – продукт среды. И, в конце концов, он поверил. Благодаря этому он получил ряд преимуществ, и, прежде всего постоянное чистое алиби, с него сняли ответственность за свои поступки.

Если человек рациональный не нарушает какие-то нормы, то лишь потому, что боится внешних санкций. Даже если соблюдение этих норм становится для него полурефлекторным, как бы результатом своеобразной дрессировки. У человека в этом случае вырабатываются лишь временные, условные рефлексы, а не нравственное самосознание. Попытки же внедрить в сознание рационального человека образцы поведения, используя кино, печать, телевидение, не затрагивают обычно глубин его человеческого «я» и без труда нейтрализуются или опровергаются разумом, этим слугой эмоций, потребностей, интересов. Да он и сам себя постоянно чувствует как бы в жестком игровом противоборстве с обществом или с теми или иными социальными институтами. И на угрозы общества он отвечает выработкой своей контркультуры. Красть нехорошо, за

это посадят в тюрьму, говорит ему общество. Правильно, но не пойманный не вор, возражает он.

У человека рационального, как видно, нет внутренних ограничений, то есть он лишен совести. Благодаря этому он способен получать удовольствие оттого, что ему удалось кого-то перехитрить, обмануть. Человек рациональный видит одну реальную цель жизни – получение максимума удовольствий. В основе его помыслов и действий лежит свой кровный интерес (обеспечить воспроизводство своего рода, удовлетворить свои биологические потребности плюс некоторые социальные потребности, часто связанные с первыми, – богатство, власть, престиж, статус). К духовным, нравственным ценностям он относится снисходительно-иронически, как к пережиткам прошлого, хотя и сознает, что людей духовных, нравственных можно неплохо использовать в своих интересах. Поэтому он морализирует, оценивает, призывает к соблюдению «правил общежития», морали. Но при этом сам лишь имитирует нравственные поступки, ибо начисто лишен внутреннего морального чувства. Себе он грехи отпускает с легкостью необыкновенной: иначе я не мог, мне тяжелее, поэтому мне это дозволено, с волками жить – по-волчьи выть.

Он считает себя воплощением *homo sapiens*. Он не задумывается о смысле жизни, считая это блажью. Он выбирает профессию, которая может дать ему максимум для удовлетворения его биосоциальных потребностей.

Он понимает, что его желания ограничены стремлениями других. Он так хочет обустроить свою жизнь, чтобы она учитывала не только его противостояние природе, но и обществу. Сквозь призму кровного интереса он видит необходимость познания социума. Человек рациональный непрерывно, словно четки, перебирает варианты: это выгодно, это не выгодно. Нынче он привлекает к этим расчетам компьютеры, что, впрочем, по сути ничего не меняет.

Стремясь иметь самые точные и конкурентоспособные расчеты, он нуждается в новейшей информации и ищет ее везде, где возможно – в печати, статистике, социологии, социальной психологии. Он постоянно не только добывает, но и торгует социальной информацией, которая для него окрашена материально. В основе его отношений с другими – стремление меньше дать, больше взять, но как минимум обеспечить эквивалентный обмен. Добыче и обмену информацией в значительной мере подчинены его личные отношения – знакомства, дружба и т. п.

Рациональный человек очень привязан к этому миру и его благам. У него высоко развито чувство самосохранения. Он космополитичен, у него обычно нет сантиментов, чувства родины, но развито ощущение групповой солидарности с себе подобными. У него мало мужества, но много гибкости. За исключением состояний аффекта, ненависти, фанатизма он не способен на жертвы, но всегда готов на компромисс. Это обусловлено как раз тем, что он не имеет надежных нравственных опор, они у него – в меняющемся, сиюминутном.

Как видно, человек рациональный – гедонист.

Он оживлен, но не одухотворен.

Он обычно исполнитель, но не творец.

Он не религиозен, но суеверен, то есть сплошь и рядом во власти светских форм религиозного сознания, как называл их Маркс.

Как видно, рациональный человек – существо во многом несовершенное. Изучение и отрицание его средствами искусства – необходимое условие формирования человека нравственного и духовного.

Кратко: человек духовный – это человек с совестью. Иначе говоря, со способностью внутренне различать добро и зло, оценивать свои помыслы и поступки, формулировать для себя нравственные предписания, требовать от себя их исполнения. «Голос внутренней совести не есть абстракция, – пишет в одной из своих статей академик А.Д. Зурабашвили, – а святейший дар, без которого невозможна жизнь и деятельность человека». В этом случае человек становится обладателем внутренних ценностей, столь весомых, что именно они определяют его главные решения и поступки. Человек духовный преодолел в себе опаснейшее искушение видеть смысл существования в удовлетворении своих непрерывно растущих потребностей. Благодаря этому он обрел новую грань свободы, которая делает его способным служить высшим ценностям культуры, поискам истины, смысла бытия.

Он признает огромную роль социальных и экономических проблем в жизни человека, но он всегда видит в них не цель, а средство. Он не может полагать, что творимые людьми социальные институты могут быть выше их самих, а магия природы или искусства для него не менее важна, чем материальное, ибо благодаря им растет духовное богатство мира.

Человек духовный не против рационального знания, но он угадывает его ограниченность, чувствует, что в мире немало

есть такого, «что и не снилось нашим мудрецам». Работая в науке, он сохраняет определенную отстраненность, самостоятельность. Он никогда не позволяет авторитетам, мифам и идолам науки увлечь себя целиком. Именно благодаря этому основные открытия в науке были сделаны такими свободными, бескорыстными и самоотверженными людьми.

С развитием человечества может происходить переход к человеку духовному. Но может и наоборот – сфера духовного вытеснится, и заменится биосоциальными эрзацами. Конечно, лишь немногие люди и страны доросли до осознания социальных проблем во всем их объеме. Что же касается людей подлинно нравственных и духовных, то именно они являются героями человеческой истории, именно благодаря им не была утеряна эстафета, не был закрыт путь к духовному, нравственному прогрессу человечества.

Развитие производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе создает условия для того, чтобы все больше и больше людей поднимались от чисто экономических забот к духовным проблемам. Не просто увеличение потребления материальных благ (это был бы путь к потребительскому обществу), а растущее удовлетворение от самовыражения в труде, творчестве, когда ты действительно постоянно чувствуешь приносимую тобой пользу, когда результаты твоей деятельности вполне согласны с тем духовным пониманием смысла бытия, который выстрадан тобою, – вот подлинная цель и критерий прогресса.

Это не значит, конечно, что мы можем игнорировать нравственное воспитание, стимулирование самостоятельного мышления и понимания реальных противоречий, совершенствование самих методов преподавания, которое одновременно должно быть воспитанием, активным привлечением населения к обсуждению и решению сложных вопросов. И здесь, может быть, уместно напомнить некоторые подходы К. Маркса к таким вопросам.

«Рошар, безусловно, – писал К. Маркс, – обладает большим – часто совершенно бесполезным – знанием литературы, хотя даже в этом сразу узнал я alumnus (питомца – В.Ш.) Гёттингена, который не ориентируется свободно в литературных сокровищах и знает только, так сказать, «официальную» литературу... Но, не говоря уже об этом, что за польза мне от субъекта, знающего всю математическую литературу, но не понимающего математики?.. Если подобный педант, который по своей натуре никогда не может выйти за рамки ученья и

преподавания заученного и сам никогда не сможет чему-либо научиться... был, по крайней мере, честен и совестлив, то он мог бы быть полезен своим ученикам. Лишь бы он не прибегал ни к каким лживым уловкам и сказал напрямик: здесь противоречие; одни говорят так, другие – этак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не сможете ли Вы разобраться сами! При таком подходе ученики, с одной стороны, получили бы известный материал, а с другой – был бы дан толчок их самостоятельной работе. Конечно, в данном случае я выдвигаю требование, которое противоречит природе этого педанта. Его существенной особенностью является то, что он не понимает самих вопросов, и потому его эклектизм сводится, в сущности, лишь к натаскиванию отовсюду уже готовых ответов»¹⁵.

Самостоятельное мышление как в области естественных, так и общественных наук, которое вырабатывается при таких методах преподавания, – важнейшее условие формирования личности. Оно поднимает воспитуемого до уровня воспитателя, преодолевает отчуждение.

Характерное для домарксова материализма представление о разделении общества на пассивную массу воспитуемых и воспитателей основоположники научного коммунизма неоднократно критиковали. «Материалистическое учение о том, – писал К. Маркс, – что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно, поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна)»¹⁶. В знаменитых тезисах о Фейербахе третий тезис был направлен как раз против этого неравенства. И чем полнее мы реализуем эти принципы в своей практической работе, тем успешнее будет нравственное воспитание, о котором уже произнесено столько хороших речей.

Усовершенствовать человеческую личность – задача непростая. Даже если отвлечься от биологических, генетических и прочих особенностей и говорить лишь о социальной среде, то и здесь факторов, влияющих на формирование личности, хоть отбавляй.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 517—518.

¹⁶ Там же, т. 3, стр. 2.

Ближайшая сфера социального окружения – семья. Она, прежде всего, лепит человека непрерывно, сознательно и бессознательно. Она играет решающую роль в детские годы, до тех пор, пока не появятся друзья, подруги, которые образуют новую сферу социального окружения, конкурирующую с первой и в юношеские годы часто оттесняющую семью, родителей на задний план. Следующий слой – школа, одна из главных организаций, в которые включен ребенок, юноша. Чем формальнее она, чем сильнее разрыв между воспитателями и воспитуемыми, чем крепче давят учителя учеников авторитетами, угрозами, наказаниями, тем сильнее отчуждение ученика от школы, тем меньше ее роль в формировании ребенка. Действие рождает противодействие, и на казенную школу ученик всегда быстро вырабатывает иммунитет, одевается в такую броню, которую не прошибешь ничем. Наконец, человек связан и со всем обществом в целом. Это, прежде всего, массовые коммуникации – печать, кино, телевидение, радио. Но не менее важны и реальные столкновения с обществом – на работе, на улице, в магазине, в городе и за городом.

Все эти элементы социального окружения не только спорят друг с другом, они и внутренне противоречивы. Ничто не проходит мимо, все оседает в нашей корке или подкорке. Одни из этих влияний оказываются чисто внешними, другие скрытыми, третьи проявляются лишь в критических ситуациях. И формирующий воспитательный результат – это своеобразная равнодействующая всех этих влияний.

Все более ускоряющаяся и усложняющаяся жизнь обуславливает нарастающую остроту коллизий прошлого и настоящего, придает им принципиально новый характер. Так обстоит, в частности, с проблемой поколений.

Жизнь нашего довоенного поколения не баловала нас альтернативами. Реальная же трагедия жизни открывала для миллионов единственно возможный путь – на фронт, вместе со всем народом. Решения принимала за нас сама жизнь, история. И скажем честно: в чем-то нам было легче – на миру и смерть красна.

Молодым людям, вступающим в жизнь сегодня в отутюженных костюмах и ярких галстуках, о которых мы не смели и мечтать, не легче, чем нам. Вряд ли стоит сползать поэтому на ту примитивную точку зрения, что материальные, бытовые трудности трагичнее духовных. Весь опыт нашего развития свидетельствует, что по мере насыщения

материальных потребностей возникают проблемы духовные. И они сплошь и рядом тоньше, сложнее и острее, чем те, с которыми мы сталкивались прежде.

Молодые люди сегодня не детерминированы законами исторической необходимости, они имеют варианты, альтернативы. Они вынуждены принимать самостоятельные решения. При этом они должны опираться на внутренние нравственные критерии. Но каковы они у них?

У истоков нравственности

Сегодняшнее поколение острее нуждается в надежных, внутренних ориентирах, в нравственном и духовном воспитании. Как же решать эту задачу? Рационализаторских предложений хоть отбавляй. «Раз у нас в школе не изжиты аморальные поступки – нужно срочно ввести курс этики, – предлагают некоторые. – Тогда мораль сразу поднимется на требуемую высоту».

Каждый раз я удивлялся, как не понимают, не чувствуют авторы таких предложений, что нравственность нельзя выучить, что это слишком тонкая вещь, что она отнюдь не всегда пропущена через рассудок и что, кроме деморализации, курс этики в школе ничего дать не может.

Пути к нравственности и духовности неисповедимы. Здесь не только знания, логика, дискурсия, но и подсознательное, интуитивное, эмоциональное. Здесь и предания, легенды, поэзия, музыка, природа, которые апеллируют непосредственно к чувствам.

С социально-психологической точки зрения проблемы нравственного воспитания в значительной степени связаны с конструированием внутренних референтных групп, то есть системы образов, нравственных эталонов, на которые невольно оглядывается, ориентируется человек в своем поведении, решая, что такое хорошо и что такое плохо.

Мы постоянно живем среди образов не только реальных, но и почерпнутых нами из художественной литературы, которая не случайно в английском языке определяется как fiction. Мертвые и живые, герои реальные и вымышленные принимают активное участие в нашей жизни. Так бывает во сне. Но нечто подобное происходит и наяву. Создается новый мир, где звонят свои колокола. Он начинает заселяться Джорданом и Дон Кихотом, Гришкой Мелеховым и Настёной Гуськовой, которые сплошь и рядом оказываются не менее влиятельны, чем наши реальные сослуживцы или соседи по квартире. Из тех и других отбирает

каждый человек группу самых близких, самых дорогих, которые бывают его советчиками на распутье. И если он совершает поступок, который вызвал бы их одобрение, был бы санкционирован ими, он получает огромное нравственное удовлетворение. Напротив, если человек оказался в конфликте со своей референтной группой, для него это, если это нравственный человек, связано с внутренним разладом и острыми переживаниями.

Герои художественной литературы – полноправные члены нашей референтной группы. Но стать ими они могут лишь при некоторых предварительных условиях. Прежде всего, они должны быть созданы рукою мастера, написаны так талантливо и правдиво, чтобы быть вполне конкурентоспособными по сравнению с образами реальных людей, которых я сам встречал в жизни. Малейшее искажение жизненной правды – и я уже никогда не допущу героя в свой внутренний мир, в свою референтную группу. И не будет это произведение иметь никакого влияния на мою нравственность. К тому же формирование референтной группы – процесс сугубо интимный. Едва я почувствую, что мною пытаются манипулировать, внедрить кого-то в мой внутренний мир, и я захопнусь, как раковина, чтобы сохранить самое дорогое – себя как независимую личность. И опять от этого произведения и его героев нравственный, воспитательный эффект будет нулевой.

Мне хочется привести слова признательности и любви к литературе, прозвучавшие в последней статье покойного писателя А.И. Смирнова-Черкезова: «Гений писателя стократно приумножал мой жизненный опыт. Я был графом и безлошадным крестьянином, был влюбленной девушкой и старой бабушкой, был бродягой, картежным игроком, сумасшедшим, убийцей, был даже лошадью и собакой. Много раз рождался и умирал, жил в Древней Элладе и в гитлеровской Германии, побывал в аду и в раю, сражался с Наполеоном и ветряными мельницами. Я испытал все искушения и страсти, поднимался на вершину человеческого духа и низко падал. Каждый день я живу своей и чьей-то еще жизнью и низко кланяюсь писателю, когда эта чужая жизнь становится моей».

Вряд ли писатель, не обостряя до крайности ситуацию, может вести глубинное исследование человеческих характеров. В противном случае все неизбежно свелось бы к описанию поверхностного, к банальностям. Серьезный писатель всегда аналитик и страстно стремится вскрыть глубинное, невидимое невооруженным взглядом. Без этого нет исследования. Как

говорит К. Маркс, всякая наука была бы бессмысленна, если бы видимость явления совпадала с сущностью его. Задача исследования именно в том, чтобы за видимостью вскрыть сущность явления. Это в полной мере касается и литературного творчества, которое всегда есть открытие новых характеров, глубин человеческой души.

Как же пробиться в эти сумеречные тайники?

Сейчас много говорят о всемогуществе науки в XX веке. Да, все это, видимо, так. Биологи с математиками пытаются разработать модель мозга. Кибернетики убеждены, что их компьютеры способны мыслить и даже слагать стихи. Психотехники вроде бы измеряют интеллект с помощью тестов. Только будем откровенны: если уподобить человека айсбергу, то все эти упражнения современной науки в основном касаются видимой части личности, все ищут ключи под фонарем, а они, вполне вероятно, скрыты в темноте, под водой.

Нет, не ученым, вооруженным ЭВМ, синхрофазоциклотронами, батискафами и другими орудиями современной науки, а писателям, у которых, как и тысячу лет назад, одно оружие – перо, приходится изучать подводные части людей-айсбергов, проводить мысленные эксперименты в предельной ситуации, выяснять скрытые ценности, подлинные мотивы, нравственные устои.

Но есть еще более глубокий аспект – вопрос об истоках и опорах нравственности. Испокон веков человечество пыталось упрочить опоры нравственности. Для этого были придуманы удивительные способы укоренять их не только в настоящем, но и в прошедшем, не только на земле, но и на небе, в недостижимом, трансцендентальном. А уже на них как на аксиомах возводить все здание нравственности.

Век просветителей и гуманистов принес надежды, что люди сами по себе растут добрыми, как деревья, и не нуждаются во всех этих сложных сооружениях. Но прошли столетия – и круг замкнулся, вновь стало очевидно: нравственность – важнейшее, необходимейшее условие существования человеческого общежития. И ее нельзя строить впопыхах, на неустойчивом, сиюминутном, испаряющемся.

«Мне близки эти писатели, – говорит, например, Ю. Бондарев о Белове и Астафьеве, – потому что они вскрывают глубокие социально-нравственные пласты народной жизни, касаясь непреходящих духовных ценностей. Когда утрачивается традиция, исчезает ощущение истоков и взаимосвязей, так как настоящее – это реализованные возможности прошлого. Каких

бы высот ни достиг современный прогресс, нравственные начала в человеке являются охранителями его духовного мира, который не имеет права быть пустыней, обезвоженной, однако богатой синтетическими ценностями. Если человек утратит чувство ответственности перед миром, чувство сопричастности чужой боли, он превратится в машину с пластмассовыми деталями».

Вечные ценности не валяются на дорогах. Основы нравственности должны быть укоренены в земле предков, в традициях семьи, в могилах отцов и дедов, в нравственных образах прошлого и настоящего. Забвение, замалчивание прошлого, произвольность оценок лишают человека не только знания истории, но и нравственного чувства. Если рушатся связи, теряется чувство преемственности, уважения к предшественникам, то, значит, все, что было до тебя, – зря. И сам ты оказываешься духовно гол, и все тебе дозволено, и нет у тебя родины. Новейшая история не раз видела, на что оказываются способны люди без прошлого.

В наши дни, или, как говорят, в эпоху НТР, когда все так подвижно и текуче, особенно важно сохранение исторической памяти, чтобы не лишать новые поколения нравственных ориентиров. Короткая историческая память не дает прочных устоев. Чем толще культурный слой, чем глубже приходится копать археологам, тем надежнее и прочнее эти опоры. Чем благодарнее, чем протяженней назад наша память, тем больше шансов, что молодые, столкнувшись с новыми духовными испытаниями, не дрогнут, не отступят.

Это наше счастье, что рядом – дома, улицы, погосты, а под нашими ногами культурный слой, этот спрессованный тысячелетний опыт народа, нравственные опоры нашего самосознания.

Дорожить историей своего народа, впитывать ее как воздух, знать ее во всех противоречиях и зигзагах, хранить имена и памятники прошлого – это не забота об эрудиции, а одно из важнейших условий нравственного воспитания новых поколений.

В. Тендряков в «Правде» в статье «Совесть за партией» справедливо отмечал, что «совести нельзя обучить, как химии». Для этого, пишет он, человек «должен быть приобщен к великому нравственному опыту всего рода людского, мало того – научиться сопереживать то, что в разные времена духовно потрясало человечество».

Если обычная жизнь не предлагает серьезных испытаний совести, не ставит человека в предельные ситуации, когда он сам должен делать нравственный выбор, будучи готовым идти на риск и на жертву, то в этих условиях реальным способом борьбы против атрофии совести является внутреннее переживание предельных ситуаций, которые может дать подлинное искусство. Всесторонне, мысленно, интуитивно, эмоционально, подсознательно переживая вместе с героем художественного произведения его нравственные коллизии, его поиски, его решения, читатель не может постоянно не оглядываться на себя, мучаясь этими проблемами как своими собственными. И закрыв книгу, возвращаясь из мира художественного вымысла в реальный, он приходит уже иным – очищенным, как после исповеди, узнавшим о себе немало удивительного, с окрепшими, выстраданными нравственными ориентирами, более опытным и зрелым духовно.

Все произведения искусства с этих позиций можно было бы подразделить на две группы. Первая – произведения, потрясающие душу, пробуждающие совесть. Вторая – произведения, убаюкивающие совесть. Серединные массовые произведения литературы и искусства, не затрагивающие глубинных пластов человеческого сознания и психологии, усыпляют совесть, нередко оказывают деморализующее влияние. Напротив, самые жестокие произведения нашей и мировой литературы, например романы и повести Ф.М. Достоевского, дают такую встряску читателю, на такой предельной ноте повествуют о делах человеческих, так бесстрашно раскрывают проклятые вопросы и конфликты духовные, что их роль в формировании человека нравственного нельзя недооценивать.

Если наша страна оказалась способной перенести тягчайшие испытания, если и ныне мы встречаемся с высокими проявлениями нравственности, то это, прежде всего, благодаря наследственной информации, которую мы получили, в частности, через нашу великую художественную литературу, самую бескомпромиссную, самую ищущую в мире. И, может быть, самое обнадеживающее сегодня в том, что эти традиции живут и крепнут в современной советской литературе.

Как видно, восхождение от социального к духовному человеку ограничивает использование тяжелых орудий

современного социального знания. Напротив, все более расширяются возможности интуиции, воображения – традиционных инструментов художественной литературы.

По-разному, на разных высотах устанавливается динамическое равновесие, нащупываются подвижные, вечно меняющиеся границы социологии и литературы, тот оптимум, который позволяет им, опираясь на результаты друг друга, эффективно играть свою истинную роль. Как прежде, так и теперь литература расширяет горизонты социологии. Она способна удержать ученых от безнравственных исследований. Она дает возможность исследовать человека в таких предельных ситуациях, в которых никогда не изучали и не смогут изучать его социология и психология. Литература позволяет познать вершины человеческого духа, недостижимые для науки, самые сложные, проклятые вопросы человеческой жизни. Она никогда не отказывается от стремления разгадать истоки нравственности, смысла бытия.

Только не дай ей Бог возомнить, что сама она беспредельна!